



**Арте
факт
детектив**

Много веков Сфинкс загадывал
людям свою убийственную загадку.
Но сможет ли он противостать
человеку, бросившему ему вызов?

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

**Загадка
последнего
Сфинкса**

ЭКСМО

Артефакт-детектив. Астра Ельцова

Наталья Солнцева

Загадка последнего Сфинкса

«АСТ»

2008

Солнцева Н. А.

Загадка последнего Сфинкса / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2008 — (Артефакт-детектив. Астра Ельцова)

Белые лилии... Некто, называющий себя Сфинксом, передает убийственные загадки намеченной жертве в корзине с этими цветами. Знаменитый скрипач Влас Никонов не придавал значения глупому письму и поплатился за это жизнью. Интуиция подсказывала Астре Ельцовой, занимающейся расследованием убийства, что именно загадка несет в себе скрытый смысл. Приговоренному к смерти предоставляется шанс выиграть поединок с неведомым Сфинксом, разгадав ее. А между тем следующая жертва уже получила зловещее послание... По легенде, есть всего один способ покончить со Сфинксом: разгадать его загадки. И Астра поняла, что только так можно узнать, кто и зачем скрывается за личиной фантастического чудовища... Книга также выходила под названием «Последняя трапеза блудницы».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Солнцева

Загадка последнего Сфинкса

*Злой Сфинкс! Злой Сфинкс!
Уже с веслом
Старик Харон стоит в надежде
И ждет...
Оскар Уайльд*

Глава 1

Когда оно появилось, существо с телом зверя и головой человека? Оно приходит из другого мира и поселяется рядом... Сначала оно спит. Потом что-то пробуждает его... и оно встает на дыбы.

У него может быть тело льва или леопарда, крылья птицы, лицо прекрасной женщины или мудрого мужчины, но всегда – длинные острые когти. Оно всегда готово убивать... Для этого боги и послали чудовище в мир людей. Чтобы сеять страх и смерть...

Оно поет дивные песни, его ласки нежны, а посулы сладкоречивы. Но наступает час... и оно требует жертв.

Москва

Людмила Никонова, мать известного скрипача Власа Никонова, смотрела телевизор. На ее руках мурлыкала кошка Джерри.

– Скоро будут показывать нашего мальчика, – сказала Людмила Романовна, почесывая кошку за ушами. – Его сольный концерт. Тебе нравится Паганини? А Мендельсон?

Джерри подняла вытянутую породистую мордочку, отозвалась мелодичным «мяу». Она понимала, что хозяйке больше не с кем поделиться радостью.

Госпожа Никонова свою жизнь посвятила сыну, сделала из него выдающегося музыканта, виртуоза, который ездил с гастрольями по всему миру, выступал в лучших концертных залах. И осталась совсем одна...

Влас прокладывал себе дорогу к славе, самозабвенно отдавался музыке, репетировал, месяцами пропадал в других городах, в чужих странах. Звонил все реже, не писал вовсе. Людмила Романовна не обижалась. Когда ему? Зато сын отовсюду привозил ей подарки и сувениры – французские духи из Парижа, натуральную косметику из Германии, элегантную сумочку из Вены. Мальчику давно стало тесно в их двухкомнатной малогабаритной квартирке, и он снял большие апартаменты с роялем неподалеку от консерватории. А в последнее время, приезжая в Москву, останавливался у тещи, бывшей оперной примы Олениной.

– Не хочу тебя стеснять, мам, – объяснил он Людмиле Романовне.

Эту деликатность она сама воспитала в нем.

Молодая жена Власа казалась избалованной белоручкой, капризной и эгоистичной. «Рядом с таким человеком, как мой сын, должна быть самоотверженная, преданная его таланту женщина. А эта смазливая девчонка годится разве что для постели», – тайком вздыхала Людмила Романовна. Но высказывать свои мысли вслух не смела. Раз уж Влас женился на ней, ему виднее. Она благосклонно приняла Дину и ни словом, ни жестом не выдавала своего истинного отношения к невестке. А когда узнала, что у молодой пары скоро появится ребенок, возлико-

вала. Наконец и ей найдется дело: будет нянчить внука или внучку, заботиться о малыше... если Дина позволит.

Временами на Никонову накатывала непонятная грусть, особенно в ненастные зимние дни и долгие вьюжные ночи: хотелось плакать, жаловаться кому-то близкому, любящему, сетовать на судьбу. «Кошунство! – обрывала себя Людмила Романовна. – Мне ли быть недовольной? Мне ли бога гневить? Ведь я вырастила сына, которому рукоплещут восхищенные зрители! Музыканта, который покоряет сердца тысяч людей!» И она успокаивалась... засыпала под монотонный свист ветра.

Когда-то Люся сама мечтала о сцене... не сложилось. И в любви ей не повезло. Все, чем она жила и дышала, был Влас. На него она молилась, на него уповала...

До концерта оставалось еще полчаса. В ожидании сладостных минут, когда на голубом экране появится ее дорогой мальчик, проведет по струнам колдовским смычком, извлекая из скрипки дивные, невыносимо прекрасные звуки, Людмила Романовна смотрела какую-то скучную передачу.

Бородатый ведущий рассказывал о странных явлениях, от которых официальная наука привыкла отмахиваться, а большинство людей предпочитают не замечать.

– Все же находятся энтузиасты, готовые смело вторгаться в область непознанного! – с пафосом воскликнул он. – Пионеры паранормального мира пришли сегодня к нам в студию, чтобы дать несколько полезных советов телезрителям. Задавайте ваши вопросы!

В кадре побежала строка с номерами телефонов.

Госпожа Никонова отвлеклась: пошла в кухню, насыпала Джерри сухого корма и налила себе чаю. Кошка с аппетитом захрустела угощением, а хозяйка с чашкой и куском кекса вернулась к телевизору.

Какая-то пожилая дама дозвонилась на передачу и с увлечением рассказывала о том, как, спускаясь на эскалаторе в метро, увидела на другом эскалаторе поднимающуюся вверх точную копию себя.

– Она была в таком же пальто, как у меня, – возбужденно тараторила дама. – В такой же шляпке! Я просто оторопела... потеряла дар речи!

«Это пошло бы тебе на пользу, – неприязненно подумала госпожа Никонова. – Делать людям нечего, вот и звонят на телевидение. Развлекаются!»

– В последнее время в больших городах, Москве и Санкт-Петербурге, – начали появляться двойники, – обрадовано заявил один из «пионеров». И пошел развивать заданную тему. – Люди, кто с ужасом, кто с интересом, замечают себе подобных в метро, в театре или на вокзале, в автобусах и троллейбусах... где угодно. Нашествие двойников списывают на игру воображения, переутомление психики в стрессовых условиях мегаполиса, на галлюцинации и некоторые иные причины. Об этом стараются не говорить, не думать, не спрашивать... А зря! Отчасти придавать значение таким вещам бывает опасно. Отчасти – безответственно. Как явление ситуация с двойниками может быть интересна и для естествоиспытателя, и для исследователя *полтергейста* и разных загадочных происшествий...

Людмила Романовна опять отвлеклась. Достала из серванта вазочку с конфетами: ей захотелось сладкого. Раньше она во всем себе отказывала, отдавая лучший кусочек, лучшее лакомство сыну. При ее скудном достатке покупать хорошие продукты на всех возможности не было.

Между тем в телевизионную беседу вступил второй гость студии.

– Мы наблюдаем тенденцию возникновения «проходов» из одной реальности в другую, – объяснил он. – Люди, порой сами, не желая того, способствуют проникновению существ из иного мира в повседневную действительность и свое окружение. Так называемой *точкой входа* могут быть зеркала, предметы отправления магических культов и даже изображения, в которых заключена тайная символика. Например, фигурки языческих богов, камни из древних

храмов или облик всеми любимого, намозолившего глаза в туристических проспектах Большого Сфинкса...

«Какая ерунда!» – подумала Людмила Романовна и невольно перевела взгляд на стену. Там висело тростниковое панно, привезенное Власом ей в подарок из Египта: пески, пирамиды вдали и горделиво взирающий на восходящее солнце Сфинкс.

– Что за глупости? Подобных вещиц пруд пруди в магазинах, в каждом доме, – прошептала она. – Модные украшения интерьера!

И ощутила в сердце глухую ноющую боль...

Богучаны

Астра Ельцова жила в Богучанах словно в другом измерении. Далеко, где-то в снах о прошлом, остались многолюдная Москва, городская квартира, загородный дом родителей... Двоюродная сестра Катя приходила раза два в неделю, приносила мед, соленую рыбу или пироги с ягодами. Садилась за стол, подперев рукой щеку, просила:

– Расскажи о Москве. Красиво там, да? А ты в Большом была? А в ресторане? А в казино?

Астра отнекивалась, отмахивалась:

– Приедешь, сама посмотришь.

– Когда это будет? До отпуска еще ого-го!

В сильные снегопады часто отключали свет, и Астра купила целую коробку свечей, расставила их повсюду и зажигала, чувствуя себя отшельницей, затерянной в непроходимом лесу. Огонь тихо гудел в печи, за стенами бесновалась вьюга, заматывая дороги, дворы и дома. По утрам поселок просыпался белым, в бледное морозное небо поднимался дым из труб, потрескивали заледенелые деревья, шаркали лопаты – жители отбрасывали снег от дверей. Лениво лаяли собаки, едва высываясь из будок.

День пролетал быстро, по-зимнему короткий, озаренный скупым январским солнцем, плавно переходил в сумерки. Вечером Катя возвращалась из магазина, где она работала продавщицей, иногда заглядывала на огонек. Снимала полушубок, пуховый платок, удивлялась:

– Зачем столько свечек? Экономить надо.

– Я огонь люблю, – объясняла Астра.

Они сидели рядышком и зачарованно смотрели на язычки пламени. На бревенчатых стенах дрожали тени. За покрытыми инеем стеклами проступала синяя ночь, стонал ветер, глухо шумел вековой лес.

Катя ставила на печку железный чайник, насыпала в чашки заварку. Ее жизнь была проста, незамысловата: работа в магазине, дом, летом – огород.

– Без огорода не выживешь, – говорила она. – Чем кроликов кормить, козу, кур? Продукты страсть какие дорогие. Бабка совсем плоха стала, слегла, а лекарства нынче кусаются. В аптеку зайдешь – ползарплаты оставишь.

Астра терпеливо выслушивала, не возражала, но и не поддакивала. Каждый живет как может, как умеет. Нытье Катерины, здоровой, цветущей девицы на выданье, вызывало у нее недоумение. Со своей стороны, та не понимала Астру. Зачем она притащилась из сказочно прекрасного города, где как сыр в масле каталась, в сибирскую глухомань? Что за блажь ее одолела? Папаше деньги девать некуда, а дочка живет в развалюхе, печку дровами топит, стирает в корыте. Богатство людей портит!

– У тебя родители жадные, да? – спросила-таки сестра. И сама же ответила: – Сразу видать, скупердя! Они тебя в ссылку отправили, как революционерку. Чтобы ты образумилась. Чем ты их допекла?

– Ничем, – сказала Астра и подумала, что это не так.

Ох и допекла она отца с матерью, до самых печенок достала. Но они ее не отсылали, сама уехала.

– Значит, самодуры они! – рубанула Катя. – Изверги! У нас тоже таких хватает. Мой папаша хоть и пьющий, и погулять не промах, но добряк редкий. Когда деньги есть, он для меня не жалеет. В прошлом году сережки золотые купил, с камешками, и на продукты оставил. Почти на два месяца хватило.

Отец Кати приходился Астре дядей по матери, он был геологом и проводил жизнь на колесах, в палаточных лагерях и экспедициях. Заработанные деньги тут же спускал на водку и многочисленных жен с детьми. Астра видела его один раз, когда он приезжал в Москву и зашел навестить столичную родню.

Собственно, не вздумай Катерина написать Ельцовым письмо, они бы не узнали о ее существовании.

Приезд Астры оказался для нее полнейшей неожиданностью. Но Катя обрадовалась. Когда гостья наотрез отказалась жить у них в доме, она даже всплакнула от обиды. Брезгует москвичка, небось грязи боится.

– У нас чисто, – уговаривала приезжую родственницу Катина мама. – Бедно, правда, так и у других не лучше. Я и поесть сготовлю, и постираю. Мы белье полоскать на речку ходим, с непривычки-то несподручно тебе будет.

– Приспособлюсь, – упрямо твердила Астра. – Я хочу простую жизнь узнать. И побыть одна... совсем.

Она говорила часть правды. На самом деле суровый быт должен был послужить палочкой-выручалочкой, помочь ей не сойти с ума от мыслей, которые роились в ее голове. Физический труд – действенное лекарство от безумия.

Астра привезла с собой старинное зеркало в бронзовой раме. Лучше, чтобы его никто не видел. Из-за этого зеркала, как она полагала, расстались с жизнью по меньшей мере пять человек¹. Их число может увеличиться.

Не исключено, что она все придумала и зеркало не имеет прямого отношения к этим смертям. А если имеет?

¹ Читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Магия венецианского стекла».

Глава 2

Москва

В свои почти сорок пять лет Инга Теплинская выглядела на тридцать. Точеная фигура, гладкая кожа, густые светлые волосы, натуральные, не крашенные.

– Как тебе это удается? – завистливо спрашивали подруги. – Пластику делала?

Инга была принципиальной противницей пластических операций ради поддержания молодости. Что-то нечистое и нечестное есть в этой попытке обмануть природу при помощи хирургического скальпеля, суетливое и мелочное. Возраст следует принимать и нести с достоинством. Впрочем, как и все, что выпадает человеку.

Бывшая балерина, она давно оставила сцену – сразу после замужества – и ни разу не пожалела. Закулисные интриги, злые сплетни, коварство, козни, которые артисты строили друг другу, пришлись ей не по нраву. Она станцевала только одну ведущую партию, и то потому, что солистку Ермолину прихватил аппендицит. Радоваться чужому несчастью – гадко. Инга возненавидела себя за восторг, который она испытала, выпорхнув на сцену под дивную музыку Чайковского *вместо* заболевшей Ермолиной.

Балетная жизнь изнурительна и физически, и морально: труд до седьмого пота у станка, вечное чувство голода, боль в спине, в натруженных, натертых до крови ногах, отсутствие свободного времени, страх потерять форму, остаться за бортом, неуверенность в завтрашнем дне.

«Наверное, балет – не мое призвание, – призналась себе Инга. – Иначе невзгоды закаляли бы меня, а не лишали сил. Я не настолько люблю танцевать, чтобы провести в массовке всю молодость, проливая злые слезы и желая более удачливым балеринам сломать ногу. Надо уходить, как ни обидно, как ни жаль потраченных впустую лет».

В тяжелую минуту судьба сделала ей подарок – встречу с Михаилом Теплинским, генеральным директором крупного предприятия, поклонником ее таланта. Именно в тот вечер, когда Ермолину с приступом аппендицита увезли в больницу, а Инга танцевала *вместо нее*, Теплинский пришел в театр, увидел балерину и влюбился без памяти. Она казалась ему *сильфидой*, бесплотным духом, парящим в воздухе под божественные звуки скрипок и флейт. Преодолевая смущение и несвойственную ему робость, Михаил Андреевич дождался окончания спектакля, подошел к Инге и заявил, что отныне он ее раб, которым она может повелевать и требовать все, что ей будет угодно.

Инге было угодно выйти замуж и бросить балет. Теплинский ей понравился, но о любви речь не шла. «Я буду ему хорошей женой, – успокаивала она свою совесть. – Доброй и преданной. Он не раскается, что предложил мне руку и сердце!»

Их брак оказался неожиданно счастливым. Чем ближе молодая жена узнавала Михаила, тем сильнее к нему привязывалась. Он был умен, решителен, нежен в постели, щедр и трогательно ласков с супругой. Может, Теплинский имел любовниц на стороне, но Инга о них не знала. Муж ни в чем ей не отказывал, потакал ее прихотям и ни разу не упрекнул, что она ушла из балета.

– Хочешь, я куплю тебе танцевальный зал? – однажды предложил он. – Откроешь балетный кружок для детей.

Инга согласилась. Со сладкой тоской она вновь надела трико, пуанты и встала к станку. Быстро вернула былые навыки. Балетный кружок? Почему бы и нет?

Занятия с маленькими девочками и мальчиками развлекали ее, потому что собственных детей у Теплинских не было. Хотя до Инги Михаил Андреевич уже был женат и от первого брака имел дочку и сына.

Инга пошла в специализированную клинику и узнала, что никогда не сможет стать матерью.

– Редкая патология, – развел руками профессор. – Лечению не поддается.

– А за границей?

– Бесплезно. – Он сочувственно покачал головой. – Только деньги зря потратите.

Она не сразу вернулась домой, долго бродила по улицам, жалея себя, упиваясь своим горем. Как сказать об этом мужу? Он деликатно молчит, не задает никаких вопросов. А сам, наверное, страдает, мучается. Женился второй раз, и опять неудачно.

Вечером она глотнула коньяка для храбрости и... призналась:

– Я бесплодна, Миша. Не смогу родить тебе ребенка. Никогда, понимаешь?

– И не надо, – спокойно ответил он, поглаживая ее по руке. – У меня уже есть дети. Я люблю тебя. Разве нам плохо вдвоем?

– Почему ты развелся со своей первой женой?

– Сначала она хотела денег, потом начала устраивать скандалы по любому поводу, затем спуталась с моим заместителем... В общем, пошлая и гнусная история. Да и не любил я ее. Потому, наверное, не спешил домой, дневал и ночевал на работе.

– Зачем же тогда женился?

– Сам не знаю. Пока тебя не встретил, я как будто спал. Все женились, и я женился. Ты не горюй из-за детей, нет так нет. Раз бог не дает, ему виднее.

Инга еще неделю поплакала и успокоилась. Дети Теплинского приезжали к ним на выходные, иногда на праздники, и она привыкла к ним, начала считать своими. Бывшая жена Вера ревновала, устраивала разборки по телефону:

– Ты у меня мужа увела, а теперь за детей взялась? Их я тебе не отдам! Своих нет, так ты решила моих сманить?

– Они мне не чужие, – возражала Инга. – Миша им отец.

– Ну да! Как же! Мужика прибрала к рукам, деток готовых, плохо ли? Ни нянчить не надо, ни ночей не спать... просто задобрить подарками, денежками из отцовского кошелька. Ребята и потянутся к роскошной жизни! Они же глупые еще, ничего не понимают. Ненавижу таких, как ты! Нагулялась, сколько хотела, пришла и разорила чужое гнездо!

– Не гуляла я. Вкалывала как проклятая...

– Ну да? Пока я помогала мужу на ноги встать, детей его вынашивала да рожала... ты фигуру соблюдала и по сцене прыгала! Голыми коленками сверкала!

Эти две женщины говорили на разных языках, и пути к примирению у них не было.

– Знаю я вас, балетных! – зло усмехалась Вера. – Шлюха моих детей воспитывать не будет!

Инга молчала, слушала. Могла бы сказать, что с Теплинским она познакомилась, когда тот уже был разведен, но не стала. Зачем сыпать соль на раны? Люди причиняют боль другим, чтобы смягчить собственную. Инга не принадлежала к их числу.

От балета у нее остались прямая осанка, крепкие мышцы, тонкая талия, привычка быть в форме и умение терпеть. Она не собиралась создавать конфликт, к которому ее подталкивала Вера. Миша и дети не должны страдать из-за женских обид.

Инга была из тех женщин, для которых весь смысл существования сосредотачивается на любимом человеке. Через несколько лет супружеской жизни она осознала, что полюбила мужа всем сердцем. Брак по расчету превратился в брак по любви. У нее не было никого ближе и роднее Михаила, и все ее мысли и устремления замыкались на нем. Достаток, уверенность в завтрашнем дне, свой просторный уютный дом и даже балетный кружок, как отдушина и воз-

можность самореализации, появились у Инги благодаря ему. Она сумела оценить Теплинского и как мужа, и как любовника, и как друга.

Упреки Веры задели ее, хотя не имели под собой почвы. До Михаила Инга не переживала сколько-нибудь серьезных романов. У нее были поклонники в юности, когда она уже выходила на сцену танцевать «у озера» или «у фонтана», – особенно один, который проходу ей не давал. Поджидал после спектаклей, дарил цветы, приглашал в кафе. Они могли позволить себе кофе с пирожными, порцию эскимо, лимонад. И от всего Инге приходилось отказываться – диета.

– Мне нельзя набирать вес, – говорила она, чуть не плача.

Как ей, молодой девушке, хотелось тогда мороженого, конфет, шоколадного торта, жареной картошки, наконец! Балетная жизнь разрешала скудные удовольствия: сон, короткий дневной отдых, редкие прогулки, строго ограниченный набор продуктов, но и того не вдоволь, впроголодь. Сколько мучений приходилось переносить ради нескольких минут танца, когда за огнями рампы в замершей темноте зала следят за обманчиво легкими па красавиц-балерин сотни восхищенных глаз...

Робкий обожатель встречал ее с букетиком фиалок. Она до сих пор помнила их тонкий сладковатый аромат. Почему она не ответила молодому человеку взаимностью? Наверное, слишком уставала, слишком выматывалась, слишком растрчивала себя на репетициях, чтобы полюбить кого-нибудь... кроме балета.

Голос мужа вывел Ингу из задумчивости. Оказывается, она сидит в гостиной с эркером и смотрит в большое, во всю стену, окно на медленно падающий снег. Белые деревья, синее небо... и сыплющиеся сверху снежинки. Как в театре! Неужели она все еще тоскует по балету? Неразделенная любовь.

– Никонов приезжает, – сказал Михаил Андреевич. – Будет давать концерты. Я заказал нам билеты. – Он поцеловал жене руку, длинную изящную кисть, слабо пахнущую духами. – Ты ведь не против?

Инга обрадовалась. Она соскучилась по живой музыке, по звукам оркестра, по неповторимой атмосфере зрительного зала.

– Что ты решила с портретом?

Она скривилась. Напоминание о возрасте вызвало мимолетную грусть. Ей уже скоро сорок пять! На юбилей любящий супруг решил сделать Инге оригинальный подарок: заказать модному художнику ее портрет.

Годы пролетели, как дуновение ветерка... беззаботные, счастливые. Замужество проложило грань между *балетной* и *семейной* жизнью. Первая, полная лишений, труда, слез, крови и пота, осталась в сердце волшебной сказкой. Вторая, изобильная, роскошная, по-женски удавшаяся, позволившая Инге осуществиться как жене и возлюбленной, отчего-то стала скучна и... пуста. Вроде бы есть все... Откуда же берутся смутная печаль, безысходность, трагический надлом? Чего не хватает? Воистину непостижима душа человеческая.

Не бездетность тяготила Ингу – она сумела перенести материнские чувства на Мишиных детей, заботилась о них, как о родных, и начала считать их своими. Не охлаждение Михаила Андреевича удручало ее. Не может зрелый мужчина, у которого уже пробивается седина, быть таким же восторженным и пылким, как двадцать лет назад.

В последнее время госпожа Теплинская страдала бессонницей. В душу вкралось ожидание беды... беспричинный страх.

– Это гормональное, – успокоил семейный врач. – Попьете таблеток, и все как рукой снимет.

Инга принимала на ночь снотворное и засыпала, а утром вместе с ней просыпался страх. Что ее пугало? Все... Словно померкло ясное небо, сгустились тучи и в воздухе запахло грозой.

– Как насчет портрета, дорогая? – спросил муж. – Ты определилась? Тебе придется позировать...

– Ну уж нет! Пусть пишет по фотографии. Дай ему видео на крайний случай. Михаил Андреевич смирился. У жены есть причуды, на то она и женщина.

– Я предлагаю на твой выбор двоих живописцев: Заруцкого и Домнина. Оба в расцвете славы, оба дерут бешеные деньги за работу. Но нам не пристало мелочиться. На ком остановимся?

Инга не увлекалась живописью и полностью доверяла вкусу мужа.

– Выбери сам. Только натурщицей я не буду. И вообще... мне что-то не по себе.

– Хорошо. Я дам художнику наше семейное видео, – согласился он. – Может, тебе отдохнуть? Съезди в Италию, развейся. До твоего дня рождения еще целый месяц.

– Ах, Миша... разве я переутомилась? От чего?

– Сменишь обстановку, полюбишься Вероной, Миланом, готическими соборами, сходишь в оперу.

– А концерт?

– До приезда Никонова ты успеешь вернуться.

– Нет, я из Москвы никуда не поеду. Брось ты свою политику, Миша! – вырвалось у нее. – Как бы чего не случилось! Тошно мне... на сердце будто камень лег.

Инга связывала свое беспокойство с новым занятием супруга. Теплинскому наскучило зарабатывать деньги, и он решил отведать власти.

– Отступить поздно, милая. Провалюсь на выборах, тогда... поглядим.

Знаменитый скрипач Влас Никонов в промежутке между зарубежными гастролями решил дать два концерта в Москве. Полтора года назад он женился, и молодая супруга ожидала первенца. Она рвалась домой, к матери, и вопреки советам друзей и знакомых пожелала рожать в России.

– Не хочу, чтобы мой сын сделал первый вдох на чужбине, – заявила она.

Влас не стал возражать. Во-первых, он слишком любил Дину и не мог ни в чем отказать ей. Во-вторых, был погружен в творческие грезы, готовился к выступлениям и жил в большей степени музыкой, нежели семейными проблемами. Какая разница, где рожать? За хорошие деньги и в Москве все пройдет гладко.

Блестящая пара поселилась у тещи. Просторная квартира бывшей оперной певицы Олениной помнила многих выдающихся артистов, музыкантов и художников. На стенах висели фотографии хозяйки в костюмах из разных спектаклей, портреты певцов и композиторов; почетное место в гостиной занимал рояль. Огромные напольные вазы не вмещали цветов, преподнесенных восторженными поклонницами... только уже не Олениной, а ее зятю.

– Какие они назойливые! – пожаловалась матери Дина, вынимая и просматривая прикрепленные к роскошным букетам карточки. – Неужели не понятно, что у Власа есть жена? На что они рассчитывают?

Оленина с тревогой наблюдала за ней: последний месяц беременности дочь переносила тяжело – замучили одышка, отеки, огромный живот уже нельзя было спрятать никакими платьями *специального покроя*.

– Никонов красив, талантлив, известен. С таким мужем будет непросто! Я тебя предупреждала, Диночка. Если хочешь сохранить семью, забудь о ревности. Поклонницы и поклонники – часть жизни любого артиста. От этого никуда не денешься. Твой отец не сумел смириться, и мы расстались.

– Они же просто вешаются Власу на шею! Прикажешь терпеть?

– По-моему, вы поторопились с ребенком, – вздохнула Оленина.

Отяжелевшая фигура Дины, нездоровый цвет лица, пигментные пятна и неуклюжая, переваливающаяся походка ставили ее в невыгодное положение рядом со стройными, яркими

девицами, которые легко выскакивали на сцену, дарили Никонову цветы, тянулись к нему гибкими руками, грудью, губами.

– Так получилось. Влас и слышать не хотел про аборт.

– Ну, да... в общем-то, правильно. Только он выступает с концертами, собирает аншлаги, публика неистовствует, а ты сидишь дома и пьешь таблетки. То ли еще будет? Младенец тебя привяжет к плите, стиральной машине и, не дай бог, к детской поликлинике. Никонов няню нанять не позволит, я уже заговаривала с ним на эту тему. Он считает, что детей должны воспитывать родители.

– Ты против?

– Конечно, нет! – рассердилась Оленина. Неприятный у них с Диной получается разговор. – Да ведь скрипач должен играть, и никогда не променяет сцену на бдения у детской кроватки. Влас без музыки дышать не может, он сбежит от тебя к своей скрипке, а ты превратишься в склочную, недовольную жизнью домохозяйку и станешь попрекать мужа тем, за что полюбила, – его страстью к творчеству.

По щекам Дины потекли слезы. В словах матери звучала горькая, жестокая правда. Музыкант – это не профессия. Это образ жизни. Но что же делать? Дина тоже закончила консерваторию по классу вокала, но ее слабенький голосок не шел ни в какое сравнение с ее потрясающей внешностью. Лицом и фигурой она удалась в мать, а вот на талант бог поскупился.

«Знаменитой певицей мне не стать, – честно признала Дина и ответила на чувства Никонова, с которым познакомилась на мамином бенефисе. – Зато я стану женой знаменитого скрипача!»

Влас влюбился с первого взгляда. Тем более что он обожал, боготворил Оленину и перенес это обожание на ее дочь. Они были так похожи!

Беременность жены Никонов воспринял с воодушевлением, преподнес ей изящный бриллиантовый гарнитур, который стоил приличных денег, расцеловал и... укатил на гастроли. Дина боролась с токсикозом, а супруг получал аплодисменты и гонорары. Он блистал, она сдавала анализы и ходила по докторам. Когда ей немного полегчало, Влас взял ее в турне по Европе. Но почти все время молодая женщина проводила в гостиничных номерах: прыгало давление, кружилась голова, тошнило. В Вене ей пришлось на неделю лечь в больницу.

Никонов оставил ее на попечение врачей и продолжил турне.

– У меня контракт, – объяснил он растерянной Дине. – Если я сорву концерт, придется платить неустойку.

Рожать она твердо решила в Москве. Хоть мама будет рядом, *если вдруг что*. Дома и стены помогают.

По приезде к родным пенатам Дина перевела дух... увы, ненадолго. Здесь Никонова начали осаждать поклонницы: осыпать подарками, звонить, приглашать на светские вечеринки. За границей натиск сдерживали языковой барьер и другой менталитет – в Москве плотину прорвало.

Оленина смотрела, как дочь читает, краснеет, нервничает, рвет на мелкие клочки записки в надушенных конвертах... и молчала. А что скажешь? Артист в первую очередь принадлежит публике, а потом уже близким. Не принимать цветов нельзя – этикет требует уважать зрителей и слушателей. В конечном итоге именно ради них, для них играет на скрипке Влас.

– Мама, что это? – застыла Дина с запиской в руке. – Боже мой! В зале полно сумасшедших! Что им стоит выстрелить в Никонова?

– Не говори ерунды...

Оленина взяла из ее рук сложенный вдвое листок бумаги с напечатанным текстом.

«Осталась неделя. Не отгадаешь мою загадку – умрешь. Сфинкс».

Глава 3

По субботам Матвей Карелин проводил занятия с группой подростков. Военно-спортивный клуб «Вымпел» заслуженно гордился его ребятами. Недавно они устроили показательные выступления по русскому бою – любо-дорого было смотреть. А ведь каждый пацан по-своему «трудный»: одним грозила колония, другие баловались наркотиками, третьи пытались свести счеты с жизнью.

Карелин находил ключик к каждому, умел заинтересовать собственной «философией выживания», приохотить к физическим упражнениям, к экстремальным условиям в пеших походах. Он обладал природным педагогическим даром, хотя профессия инженера-конструктора предполагала иные качества.

Его частное конструкторское бюро «Карелин» медленно, но успешно развивалось, давало прибыль, и Матвей подумывал о расширении. С другой стороны, бизнес и так занимал много времени. Если увеличить штат и брать больше заказов, совсем засосет. Некогда будет даже в Камышин наведаться, в домик бабушки Анфисы, на лыжах походить по лесу, в баньке попариться. Февраль нынче выдался снежный, морозный, благоприятный для зимних забав, подледной рыбалки и прочих деревенских радостей.

– Махну-ка я за город! – решил Матвей. – Ребят с собой возьму, научу их сооружать убежища в снегу, костер разводить.

Лариса, его любовница, до мозга костей горожанка, и слышать не желала о прогулках на природе.

– В такой мороз? – ужаснулась она, едва Карелин заикнулся о пикнике на снегу. – Ты в своем уме? Лучше пригласи меня в японский ресторан.

– Есть сырую рыбу? Нет уж, уволь. Тебя не воротит от рисовой водки и соевого соуса? Я предпочитаю традиционную русскую кухню: пельмени, осетринку с хреном, рыжики в сметане.

– От такой пищи разнесет в два счета. Придется на диете сидеть.

Постоянные диеты вошли в привычку многих женщин; *похудение*, о котором раньше никто не слыхивал, превратилось в некий дамский спорт. Матвей этого не приветствовал.

– Человек имеет определенное телосложение, заданное генотипом, – не раз объяснял он Ларисе. – Насилие над природой к добру не приведет.

– Что же теперь, жиром заплывть? – возмутилась она. – Ты же первый начнешь на других засматриваться, гибких и стройных.

«Уже начал, – подумал Карелин. – Только степень упитанности не имеет к этому никакого отношения».

Он продолжал встречаться с Ларисой, хотя думал об Астре Ельцовой. Он изредка звонил ей в Богучаны, но разговор получался сухим, неискренним и официальным. Матвей не мог найти подходящих слов, да и она, казалось, тяготилась этими пустыми беседами. *Привет, как дела...* Ничего не значащие фразы, ровная интонация, длинные паузы. *Ладно, пока... звони... и ты звони...*

А что было говорить, о чем спрашивать? В то же время Карелину хотелось услышать ее голос, – пусть натянуто безразличный, – чувствуя в паузах все невысказанное, неопределенное, не осознанное до конца ни им, ни ею. Но без этих коротких, нелепых звонков ему уже было не обойтись.

Матвей не верил в дружбу между мужчиной и женщиной. Не верил он и в любовь. Он нуждался в тех странных *флюидах*, которые исходили от Астры, в ее абсурдных, порой безумных рассуждениях, в том, что не поддается житейской логике и чего нельзя объять рассудком. Образ этой женщины иссушал его сердце, будил смуту и томление в крови. Не любовное, не сексуальное... какое-то *иное*, тревожное и темное... мучительное.

«Кем я хочу быть для нее? – спрашивал себя Карелин. – Другом, единомышленником, помощником... хорошим знакомым... партнером...»

Все звучало фальшиво, не выражая и сотой доли того, что он испытывал. Беден оказался великий русский язык...

Блиские отношения с Ларисой не вызывали у него угрызений совести и стыда, вины перед другой женщиной. И все же он звонил Астре, оставаясь с ней *наедине*, словно посторонние могли что-то спугнуть, испортить, нарушить мистическое очарование момента. Она знала о Ларисе, Матвей не скрывал своей любовной связи.

Однако Лариса об Астре не знала, и он не собирался ей говорить. У него, открытого и свободного, появилась тайна.

Несколько раз он порывался написать Астре письмо и останавливал себя. Что он может ей предложить? Дружбу? Банально... смешно... глупо. Она бы повеселилась от души, услышав нечто подобное. А что не глупо?

По большому счету, Астра не нуждается ни в покровительстве, ни в деньгах. Ее отец богат, у него есть возможность оказать дочери любую поддержку. На любом расстоянии и при любых условиях. Подумаешь, укатила к родственникам в Сибирь! Поживет в глуши, надоест ей печку топить да воду ведрами таскать – вернется как миленькая.

Прошел месяц – Астра не возвращалась. В ее голосе, когда она говорила по телефону, не слышалось ностальгических ноток, тоски по Москве. Избалованная барышня не жаловалась на отсутствие итальянского унитаза и горячей воды, не сетовала, что ей некуда пойти и не с кем общаться. Казалось, ее все устраивало в этом медвежьем углу.

– Там хоть телевизор есть? – как-то поинтересовался Матвей.

– Я от него устала, – призналась она. – Книги читаю. Хозяева, которые сдали мне дом, бывшие учителя. У них такая библиотека... глаза разбегаются: Бальзак, Диккенс, Толстой, Чехов, – надолго хватит. Восполняю брешь в своем образовании.

Матвей не спрашивал ее о *зеркале* — том самом, в старинной бронзовой раме с полустертой временем надписью ALRUNA на обратной стороне: клеймом то ли мастера, то ли гильдии. Не принимать же всерьез бредовую болтовню покойного Осокина² о мифическом *имени* зеркала? Впрочем, сей господин величал зеркало еще и *Двойником*... Что взять с ненормального?

Астра увезла зеркало с собой.

– *Хочу побыть наедине с Алруной*, – сказала она.

Она бы ни за какие коврижки не оставила его в чужих руках. Карелин не спрашивал ее, как там зеркало. Задай он подобный вопрос, сразу бы дал понять, что верит в разную «потустороннюю» дребедень. Он и так пошел на поводу у Астры, втянулся в ее игру и увяз по уши. Назвался ее гражданским мужем, пообещал оформить брак... Не дай бог Ельцовы затеют подготовку к свадьбе! Мало того, он продолжал идиотское кривлянье: раз в неделю звонил «будущей теще» и справлялся о здоровье. Астра просила:

– Мы должны вести себя соответственно «легенде».

И Карелин опять согласился. Назвался груздем, полезай в кузов. Ох, и не нравилась ему эта дурацкая роль! Начнешь с женитьбы понарошку, а закончишь под венцом.

Господин Ельцов занял выжидательную позицию: ни о чем не напоминал, не звонил, не приглашал на *семейные торжества*. Матвей был ему несказанно благодарен за это!

Будние дни походили один на другой, как сыплющиеся с неба снежинки. Вечера Карелин просиживал над чертежами, проверял расчеты. Отец воспитал в нем дотошность и ответственность за свое дело. В субботу Матвей шел в клуб, к ребятам; в воскресенье приглашал Ларису на прогулку или в ресторан, после чего они проводили бурную ночь вдвоем. Эти ночи стали

² См. роман Натальи Солнцевой «Магия венецианского стекла».

пунктом в расписании его жизни, таким же, как собрания сотрудников бюро по понедельникам или закупка продуктов по пятницам.

«Что ты за мужчина, Карелин? – спрашивал он себя. – Думаешь об одной женщине, спишь с другой. Все у тебя по расписанию, даже секс. Но ведь ты не поезд, а человек».

В эту субботу Лариса позвонила в клуб, когда Матвей вышел из душевой. Обмотавшись полотенцем, он взял мобильник.

– Никонов приехал! – возбужденно сообщила она. – Знаменитый скрипач. Я хочу пойти. Достанешь билеты?

– Ты любишь классическую музыку?

– Говорят, он так хорош собой, так сексуален... дамы просто сходят с ума.

Разговор на любую тему у Ларисы сводился к постели. Это был ее *флюс*.

– Дорогая, ты не путаешь концертный зал со стриптиз-клубом?

– Ты возьмешь билеты или мне просить мужа? – разозлилась она. – Я не могу пропустить выступление Никонова!

Калмыков, ее супруг, сквозь пальцы смотрел на шалости Ларисы. Проблемы с потенцией лишили его возможности исполнять супружеский долг, но ни в деньгах, ни в удовольствиях он жене не отказывал.

– Хорошо. Любой каприз... – согласился Матвей. – Для тебя я на все готов.

Билеты он раздобыл, правда, с превеликими трудностями. Пришлось переплатить, но зато Лариса сможет обсудить с приятельницами мужские достоинства музыканта. Не все, к сожалению. Только внешность, манеры, виртуозную игру на скрипке и свои эротические фантазии, навеянные мелодиями гениального маэстро.

Увы, празднику души и тела не суждено было сбыться!

За четверть часа до начала концерта Лариса в ослепительном наряде и Матвей в костюме от кутюр заняли свои места в зале, среди разодетой надушенной публики. Дамы нетерпеливо, нервно теребили бинокли, не сводя со сцены жадных взоров. Маэстро у себя в комнате общался с музами, испрашивая у них вдохновения; музыканты оркестра настраивали инструменты; по рядам зрителей пронеслись томные вздохи, приглушенный шепот и шелест программ.

– Я вся горю! – прошептала Лариса на ухо Карелину. – Скоро?

За две минуты до выхода несравненного Власа Никонова что-то произошло... Какой-то тревожный импульс наэлектризовал и без того напряженную атмосферу ожидания. Дирижер не вышел... впечатлительные поклонницы таланта привстали со своих мест, зашумели. Непонятная суэта, возникшая сама по себе, захватывала зал. Теперь уже люди громко переговаривались, спрашивали друг друга, что случилось...

На сцену вышла дама в длинном блестящем платье – вероятно, она должна была вести концерт – и объявила, что выступление скрипача отменяется. Влас Никонов не будет сегодня играть, потому что...

Ее слова потонули в истерических и возмущенных криках публики. Первые ряды смогли расслышать причину, по которой концерт не состоится, и ужасное известие в мгновение ока распространилось по всему залу.

Никонов умер... в комнате, где он готовился к выступлению... убит...

– Скрипача Никонова убили! – всплескивала руками Александрина Домнина. Она никак не могла успокоиться. – Перед концертом, прямо в примерке. Я так мечтала послушать Паганини в его исполнении! Еле достала билеты.

– Разве музыканты гримируются? – заметил ее любовник Мурат, чернявый молодой человек восточной наружности.

– Не знаю... наверное. Или то была просто комната, где артисты отдыхают перед выходом на сцену.

– Ужас, – равнодушно произнес Мурат. – Какая-нибудь ревнивая дама, которую он отверг? Застрелила?

– Говорят, воткнула ему в руку булавку. О-отравленную...

– По-моему, это выдумки, – улыбнулся молодой человек, открывая ряд белоснежных зубов. – Средневековые какое-то.

– Ты думаешь?

– Не сомневаюсь. Кто станет убивать булавкой, когда можно пустить в ход пистолет?!

– Наоборот! – возразила Александрина. – Очень даже удобно. Легко пронести куда угодно, легко приблизиться. Булавка не вызывает подозрений. А яд достать – не проблема. Были бы деньги.

Она мечтательно прикрыла глаза. Вот бы кто-нибудь из почитательниц таланта ее пасынка уколол его отравленной булавкой!

Александрина была мачехой того самого знаменитого на всю Москву художника Домнина, которому наперебой заказывали портреты новоявленные светские дамы. Правду сказать, у Игоря настоящий дар. От его картин глаз не оторвешь, и для каждой женщины он придумывает такую *изюминку*, неповторимый образ, наряжает в изумительные платья. Кому не лестно увидеть себя египетской царицей, римской матроной или арабской принцессой? Чертовски гениален Игорек! Деньги гребет лопатой, а делиться не желает.

– Почему он должен с тобой делиться? – рассудил Мурат. – Ты ему не родная мать. И вообще...

Это «и вообще» означало многое. Во-первых, Игорь изначально был против женитьбы отца; во-вторых, отношения у Александрины с пасынком, мягко говоря, не сложились. В-третьих, она была настолько моложе супруга, что годилась ему в дочери. Сын не понимал отцовского увлечения легкомысленной и откровенно развратной женщиной, которая за два года свела его в могилу. Он смотрел на Александрину как на проститутку и соответственно обращался с ней.

После смерти мужа вдова оформила на себя московскую квартиру, дачу Домниных и машину, подаренную Игорем отцу. Художник мачехе не препятствовал – он давно жил отдельно и ни в чем не нуждался. Но любовника простить ей не мог.

Мурат появился, когда отец был еще жив. Старик о нем не знал, – хоть на это у Александрины хватило ума, – но что-то подозревал и ужасно нервничал.

– Не женись на молодой, – говорил он сыну. – Ищи женщину по себе. Сердит я на Сашеньку, очень! Думал, переживу напоследок настоящую любовь, страсть... будет не обидно уходить. А жена моя стала холодна, как лед, безучастна.

– Она весь пыл потратила, чтобы тебя под венец затащить, – горько сетовал Игорь. – По всем сусекам выгребла. Не осталось ни крошки! Зачем молодые за стариков выходят? Чтобы пожить. Жаль мне тебя, отец!

– Сам виноват, соблазнила она меня своей нежной красотой, алыми губами, упругой грудью. Грешен, на сладенькое потянуло! Старики как дети, им сладкое подавай.

Несмотря на возраст и букет болезней, отец относился к жизни с юмором и первый над собой смеялся. Что еще ему оставалось? Молодая хозяйка все прибрала к рукам, а за ее короткие, скупые ласки седовласый супруг готов был на любые жертвы.

Игорь невзлюбил мачеху, и его трудно было в этом упрекнуть. Отец и сын отдалились друг от друга, встречались только за праздничным столом – в день рождения старика. Александрина отвечала пасынку откровенной неприязнью. После смерти мужа она была вынуждена обращаться к Игорю по поводу формальностей, связанных с наследством, – тут уж он покуражился, отвел душу. Но в конце концов отказался от доли отцовского имущества в пользу вдовы. Не по-мужски это, делить пожитки.

– Почему он не женится? – спрашивал о художнике Мурат. – Бабы к нему так и льнут! Их слава, известность привлекает больше, чем деньги. Хотя гонорары у твоего сыночка запредельные. И платят толстосумы, раскошеляются без разговоров! Еще и в очередь записываются.

– Ты не понимаешь, – опустила вдова бесстыжие глаза. – Деньги что? Прах. А картина, написанная мастером, дарит женщине бессмертие, увековечивает ее красоту. Игорь живописец от бога, его кисть творит чудеса. И не называй его моим сыночком! Он старше меня на десять лет.

Несмотря на отсутствие моральных принципов и сексуальную распущенность, Александрина, искусствовед по образованию, знала толк в живописи, много читала, а в музей или на выставку ее смело можно было брать в качестве экскурсовода. Мурат из всех мужских достоинств имел только мускулистое тело и неиссякаемую потенцию. Он работал натурщиком в Академии художеств и фактически находился на иждивении у прекрасной вдовушки. Она в нем души не чаяла. Едва вышел положенный срок траура, они поселились вместе.

Игорь негодовал, но не вмешивался. Поведение Александрины он называл «оскорблением памяти отца» и грозился устроить любвеобильной мачехе *сюрприз*. Что не замедлил осуществить. На зимней выставке «Эхо модерна» он среди прочих своих картин в духе символизма выставил полотно «Трапеза блудницы», где полуобнаженная красотка в непристойной позе кормит из рук сидящего у ее ног смуглого любовника, плотоядно пожирая его глазами.

Картина имела скандальный успех. Отзывы посыпались самые разные – от оскорбительных до хвалебных. Кое-кто усмотрел в сюжете намек на семейные обстоятельства художника, другие говорили о падении нравов, третьи нарекли Игоря Домнина новым Климтом³. У художника и без того не было отбоя от клиентов, а после выставки цена его работ увеличилась вдвое.

– Ты наживаешься на моем позоре! – вопила разъяренная Александрина.

– А по-моему, я тебя прославил, – парировал Игорь. – Теперь тебя будут узнавать... и не только в лицо.

– Ах, ты! – она замахнулась, чтобы ударить его. – Мстишь, да?

– Есть за что, – ничуть не смутился художник, легко перехватив ее руку. – Кстати, чем тебе не по вкусу «Трапеза блудницы»? Она великолепна! Мне уже предложили кругленькую сумму. Но я, пожалуй, не стану ее продавать. Семейная реликвия как-никак.

Мурат воспринял ситуацию с философским спокойствием.

– Ты зря бесишься, – сказал он Александрине. – Меня рисуют обнаженным все, кому не лень. И ничего страшного!

– Он сделал это нарочно! Чтобы унижить меня!

– Зато теперь твоя красота останется на холсте нетленной...

– Иронизируешь? Пошел бы лучше, набил Игорю морду! Где твоя восточная гордость?

– У меня мама русская, – безмятежно улыбался Мурат. – Она верит в бога. Христианские обычаи учат прощать ближних.

– Все вы, мужики, мерзавцы! – расплакалась вдова. – Вам от женщины нужно только одно!

Она была безутешна.

Громкое убийство скрипача Никонова отвлекло ее от горестных мыслей и повергло в шок так же, как всю столичную публику.

– Ты думаешь, убийцу найдут? – спрашивала она Мурата.

– Конечно, нет.

– Отравленная булавка... легкий и безотказный способ отправить кого-нибудь на тот свет. Даже я могла бы...

– Ты о чем? – не понял Мурат.

³ Густав Климт (1862–1918) – австрийский живописец, работал в стиле модерн.

Александрина промолчала.

«Интересно, Игорь составил завещание? – размышляла она. – Вряд ли. Он еще молодой, о смерти не думает. Какие у него наследники? Родителей нет в живых, женой и детьми он не обзавелся. Дальняя родня? Вроде такой не имеется».

– Мурат, в случае, если Игоря убьют... я смогу получить наследство?

Глава 4

Звонок Астры разбудил Карелина ни свет ни заря.

– Я возвращаюсь в Москву! – выпалила она, едва он взял трубку. – Ты не забыл, что мы с тобой... практически муж и жена? Будет странно, если ты меня не встретишь.

– Встречу... – плохо соображая спросонья, пробормотал он. – Ты поездом?

– Пожалуй. Спешить некуда. Хочу страну посмотреть... хоть из окна вагона.

– Понял.

Он включил лампу, бросил взгляд на часы. Такая рань, а заснуть уже не удастся.

– Когда выезжаешь?

– Сегодня.

Она помолчала. В этой паузе Матвей почувствовал подвох и не ошибся.

– Я остановлюсь у тебя... можно? Родители пристанут с расспросами, если я заявлюсь домой.

– Почему?

– Ну... они же думают, что мы...

– Ах да! Да... О черт!

– Если это неудобно, тогда я...

– Все в порядке, – проклиная idiotские приличия, выдал он. – Конечно, поживешь у меня сколько надо.

– Потом что-нибудь придумаем, – обнадежила Астра. – Устроим грандиозный скандал, подеремся... и разъедемся. Чтобы соседи слышали и могли подтвердить.

– А кто станет их спрашивать?

– Борисов. На сей раз мой отец, наученный горьким опытом, постарается не пускать дело на самотек. Он предпочитает опережать события.

Карелин провел рукой по лицу. Фу-ты... спектакль продолжается. Астре нравится притворяться – недаром она училась на актрису, – а ему как быть? Борисов, начальник службы безопасности компании «Юстина», которую возглавляет отец Астры, мужчина серьезный: стреляный воробей, и на мякине его не проведешь. Придется изображать истосковавшегося влюбленного! Нанялся в паяцы – весели публику.

– Ладно, как-нибудь справлюсь, – прошептал он.

– Что ты сказал?

– Так... это не тебе.

– Ты не один? У тебя женщина?

В голосе Астры не было ревнивых ноток. Одно любопытство и легкое разочарование. Интересно, чего она ожидала?

– Я не аскет, – сам того не желая, оправдался он. – И не гомик. Иногда мне хочется секса с красивой и страстной партнершей.

Вот и пошла игра, спровоцированная вопросами Астры. Зачем он ее дразнит? Ведь никакой женщины рядом нет! У них с Ларисой давний нерушимый договор: дома не встречаться. Ни он к ней, ни она к нему ни ногой. Поэтому любовью они занимаются исключительно на нейтральной территории, чаще всего в снятой именно для этой цели квартире.

– Мне нравится, что вы больны не мной... – пропела Астра в трубку строчку из популярной песни. Хихикнула. – Как ты ей объяснишь, кто я?

– У меня свои секреты.

– А у меня свои! – подхватила она. – Но с тобой поделюсь. Кажется, я решила, какая работа пришлась бы мне по вкусу. Расследование убийств! Помнишь, как ловко мы разоблачили Осокина?

– По-моему, он сам во всем признался, – вздохнул Матвей. – Причем не без удовольствия. Станный тип. Псих!

Ее воодушевление угасло.

– Может, открыть детективное агентство? – по инерции предложила она. – Попрошу у отца денег на раскрутку. Пойдешь ко мне помощником?

– Нет. Уволь! Уж лучше я буду скромно руководить конструкторским бюро. Да и ты в сыщики не годишься.

– Умеешь зарубить на корню хорошую идею. Впрочем, не злорадствуй, я пошутила! Еду в Москву, потому что надоело сидеть без толку в четырех стенах и слушать завывание вьюги. Знаешь, какие здесь снега?

– Догадываюсь.

– Скучный ты, Карелин, зануда и сухарь!

– Спасибо, – улыбнулся он. – Ты не скупись на комплименты. Пожалуй, возьму тебя секретаршей в бюро. Печатать умеешь?

Астра сделала паузу, чем снова его насторожила.

– Ты прав, обойдемся без агентства, – заявила она. – Сыщик-любитель тоже неплохо. Мисс Марпл, например. Живет себе старушенция, и где ни появится, там непременно кого-нибудь прикончат. Полиция ищет убийцу, а она развлекается, разгадывает головоломку по каким-то совершенно незначительным, косвенным деталям.

– Сомнительное развлечение.

– К тому же у меня есть *зеркало*, ты не забыл?

– М-м-м... помню... – сдерживая смех, промычал Матвей. – Оно заменит нам целый штат: оперативников, аналитиков, экспертов, информаторов...

Астра или не уловила сарказма, или проигнорировала.

– Смотреть в *зеркало* жутко увлекательно! – воскликнула она. – Я как сяду напротив, так и уплываю туда, в его глубину. Задаю вопросы и жду ответа.

– И что ты там видишь? – осторожно поинтересовался он.

– Разное. Три дня назад пески видела... пустыню... и статую сфинкса, размытую, как через матовое стекло.

– Может, у тебя в глазах рябит?

– Не исключено. Или мне предстоит поездка в Египет. Там зимой хорошо, не жарко, только и гулять по Долине Царей... любоваться пирамидами. Ты видел пирамиды?

– По телевизору. Что в них интересного? Камни и камни...

– У вас там в Москве ничего не случилось? – вдруг спросила Астра. – А то у меня телика нет, отстала я от жизни.

– Как же?! У нас знаменитого скрипача убили! – съязвил Карелин. – Можешь приступить к расследованию. Пора устроить *зеркалу* испытание.

Лучше бы он промолчал...

* * *

Художник вынес портрет в холл и установил на специальной подставке – он всегда так делал, прежде чем вручить работу заказчику. Сам встал чуть в стороне, со сложенными на груди руками и выражением полнейшего довольства на лице.

– Ну, как? Чудесно, не правда ли? В этом портрете я превзошел сам себя! – без тени смущения заявил автор шедевра.

Господин Теплинский, зная его репутацию и эпатажный стиль, все-таки оказался не готовым к тому, что увидел, – закашлялся, залился краской. Слова застряли у него в горле.

– По... позвольте... это м-моя... жена?

– Не моя же? – резонно заметил Домнин.

Михаил Андреевич вспотел и отвел глаза. Хорошо, что он отправился за портретом лично, а не послал водителя. Что скажет Инга? Она с самого начала не приветствовала эту идею, но Теплинскому хотелось запечатлеть ее образ на холсте гениального живописца. Чтобы потом, когда их обоих уже не будет, потомки восхищенно млели, глядя на картину, и пели дифирамбы ее красоте. Вот Рембрандт писал свою Саскию и прославил ее в веках! «Разве я не могу достигнуть того же за деньги? – рассудил Михаил Андреевич. – Пусть у меня нет таланта, зато я умею зарабатывать!»

– Я не заказывал... обнаженную натуру... – промямлил он.

– Где вы видите наготу? Дама одета в платье из тончайшей золотой паутинки. Тело просвечивает сквозь нее, как нежнейший плод.

Теплинский был шокирован и не сразу охватил взглядом все детали портрета. Между небрежно распахнутыми краями глубокого декольте виднелась грудь с розовым соском. Как будто художник публично раздел его жену и выставил на всеобщее обозрение. Срамота! О том, чтобы повесить картину в зале, где будет отмечаться юбилей, и речи быть не может!

– Это подарок на день рождения, – бессильно поник заказчик. – Я... собирался показать картину гостям.

– Ну так показывайте! Что вас волнует? Они будут рукоплескать.

– Послушайте... я вам заплачу... еще столько же, если... если вы уберете... голое тело. Что вам стоит? Пара мазков и... портрет обретет пристойный вид. Я прошу!

Домнин побагровел, его выпуклые глаза налились кровью.

– Это искусство, дорогой мой, а не ателье индивидуального пошива! – взревел он. – Вот здесь подправьте, там укоротите! Я не закрыщик! Не нравится, я верну вам деньги, и дело с концом. У меня этот портрет с руками оторвут.

Художник поджал губы, обиженно отвернулся.

Мысль о том, что картина попадет в чужие руки, повергла Теплинского в полуобморочное состояние. Инга ему не простит! Хотя Домнин пользовался только фотографиями и видео, не вызывало сомнений, кто изображен на портрете. Инга была как живая, одетая лишь в старинные тяжелые золотые украшения и прозрачную ткань... Казалось, она вот-вот вздохнет, пошевелится и раздвинет в улыбке полуоткрытые губы.

– Нет! – испугался Михаил Андреевич. – Я заберу картину. Она принадлежит мне!

– Конечно... – процедил сквозь зубы художник. – К сожалению. Я уже не настроен отдавать ее вам. Полотно должно находиться в руках истинных ценителей, а не таких... нуворишей, выскочек, как некоторые.

Теплинский проглотил оскорбительный намек. Он мог натравить на этого *мазилу* парней из охраны – пусть бы научили его вежливости, – но тут же отказался от этой мысли. Мелко, недостойно солидному человеку уподобляться «братве». Не станет же он убивать Домнина? А если тот затаит злобу, может намалевать еще десяток куда более откровенных портретов Инги, гнуснейшего толка... и пустить по Москве, хуже того, по Интернету. На весь мир ославит! Ходят слухи, он таким образом опозорил вдову родного отца. И ведь талантлив, негодяй, дьявольски искусен! В мастерстве ему не откажешь. Придется смириться, пожалуй, и прощения попросить.

Михаил Андреевич наступил на горло своему праведному гневу – ради жены, ее доброго имени. А с портретом он как-нибудь выкрутится. В конце концов, творческому вдохновению законы не писаны.

– Извините меня, – сухо произнес он. – Погорячился. Не держите зла.

– Мы оба вспыхнули, – охотно пошел на мировую Домнин. – Художники – народ ранимый. Багет брать будете?

Портрет настолько поразил воображение Теплинского, что он не заметил громоздкой рамы, покрытой яркой позолотой.

– Рама дополняет образ... продолжает мотив роскошной чувственности... тоже моя авторская работа.

Он назвал сумму, от которой у заказчика потемнело в глазах.

Но Теплинский беспрекословно рассчитался, ощущая тревогу непонятого свойства. Что-то в портрете приковало его внимание... какая-то неосознанная мелочь. Он подошел ближе и всмотрелся в изображение Инги. Какая пышная прическа... жена такую не носит...

– А-а... что это у нее в руках?

– Голова, – объяснил художник. – Когда я вижу модель, она вызывает у меня определенные ассоциации, и возникает *замысел*! Я бы назвал этот портрет... Юдифь... или Саломея... как вам больше нравится. Образ, навеянный непревзойденным Густавом Климтом... в моей трактовке. Потрясающе получилось!

Ни одно из этих женских имен не было знакомо Михаилу Андреевичу – кажется, что-то библейское. Он не был уверен. Однако показывать свое невежество перед самодовольным Домниным считал неуместным.

«Спрошу у кого-нибудь другого».

По дороге домой Теплинский думал, что скажет жене. Как она воспримет такой подарок? В гостиной портрет не повесишь, разве что в спальне. И то...

Он притормозил на светофоре и ощутил духоту, в груди образовалась неприятная тяжесть, дыхание участилось. Город погружался в сумерки, и когда Михаил Андреевич добрался до дома, за окнами уже стоял синий морозный вечер.

– Прости, Инга... – пробормотал он, целуя жену в щеку холодными губами. – Сюрприз, кажется, не удался. Хотел вручить тебе портрет в торжественной обстановке, при гостях, чтобы все ахнули, но... в общем, я решил показать его сейчас, заранее.

Он вздохнул, поставил картину на стул, сорвал упаковочную бумагу, и придиравшему взору жены открылась светловолосая красавица в золотой дымке. Здесь, в желтом свете торшера, она выглядела иначе, чем в мастерской художника: таинственно мерцали драгоценные камни, мягко светилась шелковистая кожа, волосы струились в воздухе, окружая чуть запрокинутое лицо сияющим ореолом... тончайшая паутинка платья почти осязаемо прикасалась к полуобнаженной груди...

Инга не сдержала восхищенного возгласа. Неужели это она, это ее *так* видит мастер? Озадаченный супруг облегченно вздохнул.

– Тебе нравится? – улыбнулся он. – А я ужасно переживал. Ф-фу-у... у меня груз с души свалился!

Его глаза невольно задержались на *голове* в руках прекрасной женщины, изображенной гениальной кистью Домнина. Искаженные смертью черты смутно напомнили ему кого-то.

– Что у нее... у меня в руках? – перехватила его взгляд Инга. – *Отрубленная голова*? Боже мой! Чья это голова?

Радостный румянец сбежал с ее щек.

– Просто голова, – объяснил Теплинский. – Ты же отказалась позировать, никаких пожеланий не высказала, вот художник и написал портрет по-своему. Ты ему представилась именно в таком образе.

– Но... почему? Ради бога, Миша, чья это голова? Мне кажется... кажется... – Она повернулась к мужу, ее глаза стали большими и темными, в них застыл ужас. – Как он посмел?

– Да что с тобой? Подумаешь, чья-то голова... Это художественный образ! Домнин называл какие-то имена...

– Юдифь? Саломея?

– Угу. Исторические личности?

– Вроде того. – У Инги отлегло от сердца. Как она могла забыть? – Юдифь, библейская героиня, которая соблазнила вражеского военачальника и отрубила ему голову. А Саломея... покорила царя Ирода своим танцем и потребовала в награду голову пророка. Для меня всегда было загадкой, почему художники обожают эти сюжеты.

– Теперь все понятно, – кивнул Михаил Андреевич. – Красивая женщина несет смерть!

– Не шути так.

Инга провела рукой по глазам, будто снимая невидимую пелену. Конечно, ей померещилось, будто *голове* на портрете приданы черты лица Теплинского. Домнин, с его экстравагантностью и страстью к скандалам, обладает своеобразным чувством юмора. Тем и поддерживает неослабевающий интерес публики.

– Миша, – обратилась она к мужу, – тебе прислали корзину цветов.

– Кто?

– Посыльный из цветочного магазина принес. Там письмо... Вот, возьми.

Она протянула ему плотный конверт с надписью «М. А. Теплинскому».

– Открой, а то мне некогда, – спохватился он. – На деловую встречу опаздываю.

Между ними не было секретов. Инга разорвала конверт и прочитала вслух коротенький текст...

– Чепуха какая-то!

Глава 5

На вокзале господин Ельцов внимательно наблюдал за дочерью и ее новым возлюбленным, Матвеем Карелиным. Они казались счастливой парой.

«Первый жених тоже делал вид, что любит Астру, – подумал бизнесмен. – А сам спал с ее подружкой. Царствие ему небесное!»

О покойных не принято плохо говорить и думать, но ни одна хорошая мысль не приходила в голову Ельцова в связи с человеком, который едва не стал его зятем. Ладно, было... и быльем поросло.

– Я буду жить у Матвея! – не терпящим возражений тоном заявила дочь.

И Ельцовы не прекословили. Пусть поступает как хочет. С молодыми лучше не спорить. Они, пока шишек не набьют, никаких советов слушать не станут. Астра уже обожглась, но не поумнела, – видно, мало досталось.

Карелин галантно раскрыл перед ней дверцу своей машины. «Мерседес» Ельцовых пристроился сзади и не отрывался, пока не пришла пора разъезжаться.

– Я затылком чувствовал взгляд твоего отца, – повернулся к пассажирке Карелин. – Думал, он мне дырку в башке просверлит!

– Папа хочет определенности, – усмехнулась она. – А ты молчишь. Не просишь у него моей руки, не назначаешь дату свадьбы. Кому же это понравится? Я у родителей одна, они во мне души не чают. Понимать надо! Может, мы фиктивно распишемся?

Ее глаза смеялись.

– Еще чего! – не выдержал он. – Хватит того, что я фиктивный жених... или гражданский муж... я уже запутался.

– Какая разница? Главное, ты у папы на крючке, – захихикала она. – Разве тебя не прельщает его капитал?

– Нет.

– Даже в придачу со мной?

– С тобой – особенно! После знакомства со столь милой барышней, как ты, мой путь устилают трупы.

Шутка оказалась такой мрачной, что Астра пригорюнилась. Все ее веселье исчезло.

Дома у Карелина, простояв четверть часа под горячим душем, она замотала волосы полотенцем и посмотрела на себя в зеркало – не то, которое лежало в дорожной сумке, бережно завернутое в бархат, а самое обыкновенное. Отражение разочаровало ее.

Все в Астре было среднее – рост, полнота, длина волос, черты лица. Не толстуха и не худышка, не красавица, но и не дурнушка. С такой внешностью легко затеряться в толпе и трудно запасть в память. Может, поэтому Матвей так и не увлекся ею, а продолжает встречаться с какой-то своей Ларисой?

«Зато для занятий сыском ты идеально подходишь!» – сказала она себе.

«Жених» в кухне жарил купленную в супермаркете индюшку.

– Я не хочу тебя стеснять, – успокоила его гостя, вдыхая аромат мяса. – Побуду дней десять... для отвода глаз. И съеду.

– Куда?

– Пока не решила. Родители живут за городом, наша московская квартира слишком велика для меня... Могу поселиться в бабушкиной, на Ботанической улице. Там зелено, свежий воздух.

– Бабушка жива?

– Ее не стало пять лет назад. С тех пор квартира пустует. Отец ни за что не продаст, он считает недвижимость надежным вложением денег.

– Не проще было бы сразу поехать туда?

Матвей не собирался этого говорить, слова вылетели сами, из духа противоречия. Ему было приятно видеть Астру у себя, слушать ее голос, рассуждать с ней на совершенно дикие темы и чувствовать себя частью ее фантастического мира, где выдумки так тесно переплелись с правдой, что трудно отличить одно от другого.

– Не проще! – Она уселась за стол и положила ногу на ногу. Тюрбан из полотенца на голове шел к ее черным выразительным глазам. – Во-первых, не надо напрягать папу, а во-вторых, там нужен ремонт или хотя бы генеральная уборка.

Она выбрала румяный кусок индейки и с наслаждением откусила.

– Вкусно. Переживаешь, что любовница закатит тебе сцену из-за меня? Наври что-нибудь... Вы, мужики, мастера навешивать лапшу на ушки доверчивых дамочек. Слушай, дай выпить.

Он успел изучить ее вкусы и купил сухого красного вина. Астра пила и не пьянела.

– Так что, будем искать убийцу скрипача?

Вопрос застал Матвея врасплох. Он и думать забыл о Никонове. То была шутка...

– Видишь ли... нас никто об этом не просил...

– И хорошо. Мы возьмемся за дело по собственной инициативе. Вдруг ничего не получится? Ты же сам сказал, надо проверить *зеркало!*

Она опять втягивала его в сомнительное предприятие, а он шел на поводу. Почему, почему он не может сказать ей «нет»?

«Потому что тебе самому интересно, – ехидно заметил внутренний голос. – Ты соскучился по адреналину. Но признаться в этом ниже твоего достоинства! Куда удобнее притворяться, что ты делаешь одолжение, помогая глупой женщине. Ты лицемер, мой друг!»

Пока он вел скрытый монолог с самим собой, Астра уписывала индейку. Покончив со вторым куском, она как ни в чем не бывало улыбнулась. Тюрбан сполз набок, и ей пришлось поправлять полотенце.

– *Алруна* показывает символы, – прошептала она, наклоняясь к собеседнику. – Нам остается только разгадать их.

– Ты видела в *зеркале* сцену убийства? – комично сморщился Матвей.

– Нет... там был сфинкс... я уже говорила.

– Может быть, Никонов незадолго до смерти ездил в Египет давать концерты и каким-то образом навлек на себя проклятие фараонов?

Он сдерживал смех, тогда как Астра оставалась серьезной.

– Не знаю... А что передают в новостях?

– Честно говоря, я их не слушаю.

– У кого мы можем узнать подробности?

* * *

Портрет произвел на Ингу двойное впечатление. С одной стороны, он был восхитителен, с другой – вызывал безотчетный страх. Особенно *голова*, которую держала в своих изящных ручках изображенная на полотне женщина в драгоценных одеждах. У нее было лицо Инги, но иная душа, темная и таящая угрозу.

– Это нервы, – твердила себе госпожа Теплинская.

Доктор посоветовал увеличить дозу успокоительных таблеток, но медицинские методы оказались неэффективными. Тревога не рассеивалась, она нарастала. Инга с трудом скрывала от мужа свое состояние. Не имея сил бороться с дурными предчувствиями, она позвонила подруге.

Лидия Отрогина когда-то ходила вместе с Ингой в балетную школу, где девочки сблизилась и доверяли друг другу все наивные секреты. Потом Лида сломала ногу, с танцами пришлось расстаться. Подруги встречались редко, но, когда обе разменяли четвертый десяток, старая дружба возобновилась. Любовь к искусству была той почвой, на которой они вновь сошлись.

Отрогина рано вышла замуж, училась заочно, родила сына, стала театральным критиком, писала статьи, пережила развод и теперь принадлежала к так называемой *богеме*: вращалась в обществе артистов, художников и литераторов, нигде постоянно не работала, меняла любовников и время от времени одалживала у Инги деньги, откровенно предупреждая:

– Не знаю, когда отдам.

Суммы она брала небольшие, для Теплинских несущественные, и не злоупотребляла их хорошим расположением, отдавала частями, как получалось.

Звонок подруги застал ее на какой-то артистической тусовке, но Лидия тут же все бросила и примчалась, озабоченная, готовая подставить плечо, слегка навеселе.

– Что случилось? – с порога обрушилась она на Ингу, обдавая ее холодом, густым запахом духов и водки. – Ты здорова? А Миша? Вы поссорились?

Она привыкла, что у Инги нет проблем и, встречаясь, они обсуждают в основном сложные отношения Лидии с сыном и ее любовные перипетии. Звонок Теплинской с просьбой срочно приехать оказался неожиданным.

– Я хочу кое-что тебе показать, – сказала Инга. – Может быть, ты развеешь мои сомнения.

– Конечно, развею! А о чем речь?

– Сейчас увидишь.

Они уселись пить кофе в гостиной: хозяйка угощала подругу ее любимым шоколадом, а напротив них стоял на стуле тот самый портрет.

– Вот это вещь! – восторгалась гостя. – Дай угадаю с трех раз, кто писал. Впрочем, чего гадать-то? Домнин, его рука. Везет же богатым! – без тени зависти выпалила она. – Наверное, кучу денег отвалили?

– Миша заказал портрет к моему дню рождения.

– Царский подарок. Игорь в своем репертуаре... косит под Климта, не стесняясь. Многие обвиняют его в плагиате, но так... от злости.

– Под Климта? – не поняла Теплинская.

– Художник такой был... Густав Климт, яркий представитель эпохи модерна. Твой портрет смахивает на его знаменитую «Юдифь»... Точно! Даже *голова* присутствует.

– Тебя не смущает эта... *голова*?

– Почему она должна меня смущать?

– Ну... присмотришься к ней...

Отрогина достала очки, водрузила на нос и уставилась на картину.

– Если и может что-то вызывать недоумение, так только сходство с работой Климта, – заявила она, поворачиваясь к Инге. – Хотя заимствованную идею нельзя назвать плагиатом. Разные художники в разные времена писали эту библейскую вдову. А способ выражения, манера живописи у Домнина своя, оригинальная. Не беспокойся! Работы похожи, но на первый поверхностный взгляд. У Климта Юдифь черноволосая, с типично еврейскими чертами, фон тоже другой, и, по-моему, на его картине виден фрагмент головы. Здесь, как видишь, она изображена целиком.

– Меня совсем не то волнует.

– Что же тогда? Цена? – удивилась Лидия. – Надо было раньше думать. Домнин берет очень дорого, это всем известно.

– Нет. Понимаешь... почему вдруг он решил придать мне образ Юдифи? Да еще с этой ужасной *головой* в руках? Просто жуть какая-то.

– Он все портреты так пишет... с вывертом. Обожает роковых женщин, как и Климт, кстати. Для художников модерна характерен образ безжалостной холодной красавицы, а Домнин им утрированно подражает. Он постоянно на грани скандала... испытывает терпение публики. У него такой стиль – творчества, поведения. Он бросает вызов обществу. Возьми новомодных драматургов, балетмейстеров – они все стремятся чуть ли не к стриптизу на сцене. Таковы веяния времени...

– А голова?

– Что ты имеешь в виду? – опешила Лидия. – Голова – это часть образа! Чего ты к ней прицепилась? В чем прикол?

– Тебе ничего не кажется?

– Все! Хватит! У тебя воображение разыгралось. Коньяк есть? Пора выпить.

Инга принесла початую бутылку и рюмки, нарезала лимон. Разговор с подругой немного успокоил ее. Та не усмотрела в портрете ничего неприличного и зловещего. «Значит, я все придумала, – заключила Теплинская. – Становлюсь мнительной и трусливой. Доктор прав насчет гормонов. Может, у меня климакс начинается?»

Гостья изрядно набралась – она уже поделилась с хозяйкой громкими сплетнями, пожаловалась на сына, обсудила характер любовника и стихла. Портрет словно заворочил ее, приковал к себе ее ословелый взгляд.

– Ты гляди на эту Юдифь! – пьяно захохотала подруга, тыкая пальцем в сторону картины. – Тоже мне, добропорядочная вдова... глазки прикрыла, губки раздвинула... да у нее оргазм! Ха-ха-ха... ха-ха! Будь я проклята, если это не так! Отрубила мужику голову и... ха-ха-ха! Ха-ха...

Инга с ужасом осознала, что в портрете самое непристойное: не нагота, не мертвая плоть – *выражение лица* женщины.

– Это не я, – прошептала она. – Не я!

Лидия отсмеялась, вытерла слезы, глотнула еще коньяка и перешла на животрепещущую тему, которая была у всех на устах.

– Говорят, Никонова собственная жена ухлопала, – почему-то подмигнула она Инге. – Из ревности. Она ребенка ждет, а у беременных случаются психозы.

– Откуда ты знаешь?

– От Москвы-матушки правду не утаишь, она все узнает!

– Ерунда... – неуверенно возразила Инга.

– А вот и нет! Мне журналист один рассказывал, а тому кто-то из ментов проболтался, будто перед выступлением жена заходила к Никонову. Что ей стоило кольнуть его отравленной булавкой и выйти как ни в чем не бывало?

– Говорят, ему письма приходили с угрозами. Зачем жене писать письма?

– Чтобы стрелки перевести. Кто-то угрожал, потом убил, а она... не при делах.

– Да ну, глупости.

И тут Инга вспомнила о письме, адресованном Теплинскому, которое было вложено в корзину с цветами. Ее бросило в жар.

Муж посмеялся над нелепым посланием. Она, признаться, тоже не придавала ему значения. И только слова Лидии заставили ее содрогнуться.

– Никонов жене изменял? – спросила Инга, отгоняя страшные мысли.

– Бабы на него сами вешались, а он был классным музыкантом, виртуозом, но не святым. Наверняка грешил. Где же черпать вдохновение, если не в любви?

– Ее арестовали?

– Кого? Жену, что ли? С таким животом? Без веских доказательств? Адвокаты не позволят. – Отрогина откинулась на спинку кресла, достала сигарету, помяла в длинных наманикюренных пальцах, понюхала. – Курить бросаю. Мука смертная! – С коротким вздохом она

отправила сигарету в пепельницу. – Думаю, вообще никого не посадят. Искать убийцу будут, потому что Никонов – фигура известная, международная знаменитость. Но не найдут, скорее всего.

– Да?

– Женщина, которая его уколошила, явно не дура, раз сделала свое дело у всех под носом... перед самым выходом артиста на сцену. Скрипач уединился: пока он настраивался, медитировал, *беседовал со своей музой* ... никто не смел его беспокоить.

– Но жену он все-таки впустил?

– В том-то и штука. Не только впустил, но и *подпустил*...

– А что было в тех письмах... ну, в которых ему угрожали?

– Толком неизвестно. В интересах следствия подробности не разглашаются. А при жизни Никонов никому про угрозы не говорил. Полагаю, он в них не верил, не хотел зря жену волновать. Мало ли полоумных на свете? Чаще всего они не опасны. Выходя на публику, человек невольно становится объектом самых разных устремлений. Поклонники и поклонницы влюбляются в своих кумиров, иногда становятся просто одержимыми. Тебе ли не знать?

Инга забыла про портрет. Смерть Никонова, игру которого ей так и не довелось услышать, из далекой и полуреальной трагедии стала казаться мрачным намеком, предвестником беды...

Глава 6

– С чего начнем? – спросила Астри за завтраком.
– В смысле? – поднял брови Матвей.
– Я о Никонове. Надо все разузнать, побеседовать с его родственниками.
– Ты еще не передумала заниматься частным сыском? – удивился Матвей. – Утро вечера мудренее. Я полагал, за ночь ты все взвесила и пришла к правильному выводу.

– Так и есть.

– И что? Понимаешь, если тебя никто не нанимал вести расследование, то никто и не заплатит.

– При чем тут деньги? Мне интересно разгадывать чужие замыслы. Кто-то по каким-то причинам лишил жизни молодого талантливого музыканта. А мы его найдем и разоблачим. Разве этого мало?

– Детский сад... – вздохнул Карелин. – Как ты собираешься искать убийцу?

– Нужно проникнуть в его мысли.

– Раз плюнуть! Сесть, закрыть глаза, представить себя на его месте, да? Не смеши.

– У нас есть *зеркало*.

Матвей ждал этого довода и подготовился.

– Вот и задай ему вопрос, с чего начинать!

Астри надулась, надолго замолчала. Она отказывалась соглашаться с тем, что *зеркало* не обладает никакими особыми свойствами и все увиденное в нем является продуктом сознания того, кто в него смотрит. Глаза устают, мозг начинает играть со своим обладателем и морочить его призрачными образами.

– Ты все еще веришь, что баронесса передала тебе некий магический предмет? – не выдержал Карелин. – Но она была мертва, дом горел... Ты сама схватила первое, что попало под руку, и давай бог ноги. Это могло быть не зеркало, это могла быть любая безделушка.

– Нет!

Он говорил о трудном периоде в жизни Астры, когда она ушла из дома и поступила в компаньонки к госпоже Гримм. Та умерла при странных обстоятельствах: в коттедж проник вор, устроил пожар, и Астре пришлось спасаться от огня. Она успела вынести из горящего здания свою сумку с кое-какими вещами и старинное зеркало.

– Ты вбила себе в голову, что Осокин охотился именно за *зеркалом*. А он был сумасшедшим, отчим твоей покойной подруги! У них вся семейка ненормальная.

– Считаю, мне понравилось распутывать преступление, кто бы его ни совершил – больной человек или здоровый. Что, если я нашла свое призвание? Деньги – не главное. Мой отец богат и в состоянии меня обеспечить.

– Как же самостоятельность, независимость? Новая жизнь? – наступил на ее мозоль Карелин. – Опять будешь просить у родителей на карманные расходы? Ты уже большая девочка.

– Надеюсь, с финансами как-нибудь решится.

– Как-нибудь... кто-то... где-то... когда-то... Вечная неопределенность! Типично женский взгляд на вещи.

– Хорошо. Что ты предлагаешь? Идти в твое бюро приемщицей заказов? Я там и дня не высижу. Я терпеть не могу однообразия!

– Черт с тобой! – сдался он. – Попробуй раскрыть убийство Власа Никонова... без всякого опыта, без осведомителей, без связей в силовых структурах. Посмотрим, что у тебя получится.

– Отказываешься мне помочь?

Матвей остыл, расслабился и рассмеялся.

– Допустим, нет. Что дальше? Я жду указаний, патрон! – он приставил руку к виску жестом, которым военные отдают честь. – Моя машина и мое свободное время в твоём распоряжении. Хочу проверить, насколько тебя хватит.

– Я упрямая.

– Кроме этого, сыщику требуются еще кое-какие качества.

– Отсутствие опыта я предлагаю рассматривать как положительный момент. Это исключает штампы и гарантирует непредвзятость.

Телефонный сигнал прервал их горячую дискуссию. Звонила Лидия Отрогина, мать парня, которого лет восемь назад отучил от наркотиков отец Матвея. Собственно, от отца и перешло к нему «по наследству» своеобразное хобби – наставлять на путь истинный трудных ребят.

Отрогина спросила про Аркадия Ивановича, огорчилась, узнав, что он уехал из Москвы.

– Насовсем?

– Да, – сказал Карелин. – Будут жить с мамой в кубанской станице, выращивать виноград.

– Какая жалость!

Она в двух словах поблагодарила за сына. Сейчас ему уже двадцать шесть, характер сложный, но ни наркотиков, ни алкоголя не употребляет. Йогой увлекся, восточными духовными практиками.

– Рад за него.

Она не заканчивала разговор, хотя тема была исчерпана.

– Может быть, я чем-то могу помочь? – на свою беду, предложил Матвей.

Проклятая вежливость! От нее одни проблемы.

– Ваш отец – мудрый и надежный человек, – ухватилась за предложение Отрогина. – Мне нужен был его совет по одному... деликатному вопросу. Пожалуй, я рискну обратиться к вам. Вы не против?

Они договорились о встрече в кафе «Миранда».

– Там готовят отличный грушевый пирог, – сказала она. – Вы любите сладкое? Я приду с подружкой. Она бывшая балерина. Как вы относитесь к балету?

* * *

В клубе «Ар Нуво» по пятницам собирались завсегдатаи.

Александрину Домнину, мачеху эксцентричного художника, здесь называли Санди. Пышноволосяя, высокогрудая, тонкая в талии, она одевалась в обтягивающие платья из ярких натуральных тканей – хлопка, льна, шелка – и с ног до головы увешивалась украшениями из полудрагоценных камней, серебра, перламутра и эмали.

Сегодня на ней был длинный оранжевый наряд, от шеи до груди спускался каскад бус индийской бирюзы всевозможных оттенков, уши оттягивали тяжелые серьги из того же камня, а руки и пальцы были унизаны браслетами и перстнями. Высокая, небрежно уложенная прическа с висящими вдоль щек локонами делала очаровательную вдовушку похожей на восточную танцовщицу.

– Привет, Санди! – помахал ей известный актер-комик Баркасов. – Иди ко мне!

Над его столиком висел портрет Сары Бернар с пальмовой ветвью в руках. Баркасов обмывал полученный накануне гонорар за выступление и успел изрядно набраться.

Домнина охотно приняла приглашение, опустила на свободный стул. Благо их за столиком артиста было только два: значит, конфиденциальной беседе никто не помешает.

– Ты демонически хороша! – выпалил комик, проглотив очередную порцию водки. – Баядера! Куртизанка! Что тебе заказать?

– Текилу.

– Фу, – скривился Баркасов. – Напиток, деточка, выбирают не по моде, а по вкусу. Впрочем, с такой красавицей нельзя спорить... ей следует подчиняться, с мазохистским наслаждением ползать у ее ног... целовать носки ее туфель.

В узком кругу, куда входила и Санди, знали о склонности актера к извращенному сексу. Поэтому его речи не удивили вдову, напротив, она благосклонно потрепала Баркасова по макушке и наступила каблуком ему на ногу, надавила.

– Будешь меня слушаться, раб?

– Да, госпожа, – расплылся в улыбке тот, страстно облобызал ее длинные пальчики и залюбовался. – Ручки твои, моя повелительница, достойны резца Родена.

Принесли текилу, и Александрина сделала глоток, оглядывая публику.

«Где она берет средства на безбедное существование? – посетила Баркасова совсем не джентльменская мысль. – На все эти побрякушки? Одна бирюза, которая украшает ее лебединую шейку и соблазнительную грудь, стоит прилично, учитывая количество и работу. А в октябре мадам блистала в Париже, водила русских богачей по выставкам «Осеннего фестиваля», консультировала по поводу продукции европейских артмастерских, помогала приобретать предметы искусства. На какие шиши она покупала наряды и драгоценности?»

– Жаль, я так и не попала на концерт Никонова, – сказала несравненная вдова. – Теперь уже не услышу виртуозных пассажей маэстро! Разве что на дисках. Он успел записать диски?

Комик рассеянно повел плечами:

– Не интересовался. Я люблю легкую эстрадную музыку, в крайнем случае оперетту. А от классики меня клонит в сон.

– Говорят, у его жены преждевременные роды. Неудивительно.

– Такое потрясение! – он театрально закатил глаза. – Жаль Оленину. Только выдала дочку замуж... и та уже овдовела. Между нами, Дина Никонова как певица не состоялась: голосок жиденький, драматического таланта ни на йоту. Возможно, после смерти мужа она сделает карьеру на его имени... хотя я сомневаюсь.

– Ты знаешь их семью?

– С тещей Никонова мы ходили в одну школу и вместе участвовали в школьной самодеятельности. Я читал юмористические рассказы, она пела. Какое у нее сопрано! Рановато ушла со сцены, что-то со здоровьем, бронхи застудила или легкие. Невезучая баба! Дочку сама растила, без мужа, оперная карьера накрылась, теперь еще зять погиб.

– Я слышала, в убийстве подозревают Дину?

– Не верь, свет очей моих! – напыщенно произнес Баркасов. – Она своего звездного муженька любила без памяти, носила его ребенка, вот-вот должна была родить. И вдруг взять и отправить папашу и кормильца на тот свет?! Нонсенс. Надо быть идиоткой, чтобы собственными руками разрушить себе жизнь.

– А ревность?

– Брось, прелестнейшая! В наше время *таких* мужей из ревности не убивают. Вот если бы Дина была любовницей Никонова, тогда да, можно допустить, что она обезумела и действовала по принципу: «Так не доставайся же ты никому!» Ты забываешь, что Влас – не бизнесмен, и зарабатывал деньги пальцами и смычком. Наследство после него останется ничтожное, и вдове придется добывать хлеб насущный себе и ребенку.

– Значит, не она?

– Я бы скорее грешил на конкурентов скрипача, на интриганов и завистников.

– Убедил... почти, – улыбнулась Александрина. – Согласись, уколоть отравленной булавкой очень по-женски. Может, кто-то из поклонниц?

– Или из оркестранток. Какая-нибудь непризнанная скрипачка, возомнившая, будто Никонов пользуется незаслуженной популярностью. Дескать, из-за таких выскочек, как он,

истинные таланты прозябают в безвестности. Кажется, покойный маэстро получал угрожающие послания, вложенные в букеты цветов...

– Как романтично! От кого?

– Анонимные, разумеется. Впрочем, не знаю. Все это не более чем слухи.

Баркасов много пил, но не терял формы, рассуждал трезво, вполне владел и языком, и телом. Его подернутые влагой глаза блуждали по соблазнительной груди собеседницы, которую открывал низкий, почти до пупка, вырез платья. Если бы не бусы, зрелище было бы еще откровеннее. Ослепительно хороша скандальная вдовушка! Можно понять старика Домнина... и позавидовать. Когда в могилу сводит не тяжелая болезнь, а женские ласки, такая кончина куда привлекательнее. Санди – образец распутства, но как эротична! Как умеет подчеркнуть каждый изгиб своей дивной фигуры, выставить напоказ каждую округлость... Чертовка...

Актер вспомнил, сколько кривотолков, хулы и змеиного шипения «блюстителей нравственности» вызвала нашумевшая «Трапеза блудницы». Пасынок явно хотел досадить мачехе, а вместо этого подарил ей бессмертие.

– Вы с Игорем все еще на ножах? – спросил комик.

– Ни слова о нем! – вспыхнула Домнина. – Почему какая-нибудь поклонница не возлюбила его настолько, чтобы воткнуть в его плоть отравленное жало?! Я бы сама с превеликим наслаждением... – она запнулась, моргнула и прижала ладонь к пухлым губкам. – Не слушай меня! Я слишком много выпила...

Баркасов заказал ей уже третью порцию текилы, недоумевая, как можно пить такую гадость.

– Игорь – гений! – с пафосом воскликнул он. – За это ему можно простить все, душа моя. Все! Без исключения. Ты не должна на него обижаться, ведь сама «Вирсавия», рожденная кистью Брюллова, померкла бы рядом с «Блудницей». Искусство не судят, дорогуша, ему поклоняются!

– Ах, оставь, – зарделась от удовольствия Александрина. – Ты преувеличиваешь.

Баркасов слыл ценителем женской красоты и тонким знатоком живописи – его похвала дорогого стоила.

– Ты не прогадала, выйдя замуж за отца, а не за сына? – он подмигнул ей с бесовской ухмылкой. – Сейчас бы купалась в деньгах и... в лучах его славы. Еще не поздно исправить оплошность.

– Он ненавидит меня...

– Ой-ой-ой! От ненависти до любви рукой подать.

– Ты не понимаешь... у нас с Игорем психологическая несовместимость. Он считает меня продажной девкой, которая раскрутила старика на квартиру, дачу и машину. Ему легче было бы простить, если бы нас с его отцом связывал только секс, но не брак. Игорь относится к женитьбе слишком трепетно: идеализирует венчание, *благословение небес*, как он говорит. А я, видите ли, опошшила сие священнодействие, привнесла в «сакральную сущность любви» разврат и корысть!

– Так вы со стариком венчались?

– Он настоял, – потупилась вдова. – У него был пунктик по поводу греха, прелюбодеяния и прочей чепухи. Он и сыну привил эту ханжескую мораль.

– Но тогда Игорь-художник и Игорь-мужчина должны находиться в конфликте. Как же его творческая смелость и пренебрежение общественным мнением?

– Не тебе объяснять, что внутренний конфликт стимулирует творческую энергию. Подавленное стремится найти выход... и выплескивается в художественных образах. А общество в восторге от Домнина. Ругая его картины, критики лишь подогревают интерес публики. Будь он пуританином, на его выставках по залам гуляли бы ветер и эхо. Вряд ли хоть один холст ушел бы больше чем за двести-триста баксов.

Александрина провела кончиком языка по верхней губе, и актера бросило в жар.

«Она красива, порочна и умна – редкое сочетание в женщине! – подумал Баркасов, глядя, как плотоядно сверкают ее глаза. – Хищница! Самка леопарда с человеческим лицом. Мне уже не по зубам!»

– Почему Игорь не женится? – спросил он. – Голубых наклонностей за ним не замечено... Может, с потенцией проблемы?

– Не похоже, – покачала головой Санди, и пышная копна ее тициановских волос томно всколыхнулась. – С этим у него все в порядке. Он спит с натурщицами, но платит им за молчание. Создает вокруг себя ореол этакого целомудренного сластолюбца. Дескать, женщин он раздевает исключительно на картинах, предпочитая эстетическую эротику сексуальной.

– Откуда ты знаешь?

– Мы же родственники, как ни крути, – рассмеялась она. – Причем близкие.

– И ты до сих пор не затащила его в постель?

Домнина поморщилась:

– Фу! Как ты вульгарен! Лучше расскажи о Никонове. От какого яда он умер, удалось установить?

«Уж не собирается ли она отправить пасынка вслед за мужем? – подумал Баркасов. – Только другим путем?»

– Признаться, я не интересовался... – пробормотал он. – По сути, музыкант умер от удушья. Паралич дыхательных мышц... что-то в этом роде. – Актер погрузился, вздохнул и глотнул еще водки. – Давай оставим сию скорбную тему. Поминать мертвых на ночь – дурная примета.

– Как ты думаешь, убийцу найдут?

– Боюсь, что нет. Улик никаких не обнаружили, насколько мне известно... кроме злощастной булавки. Подозреваемая номер один – жена, которая имела глупость зайти к Никонову перед концертом. Доказательств ее вины не имеется, иначе ее бы уже упрятали за решетку. Я звонил Олениной, выражал соболезнования... Она в отчаянии. Зятя не вернешь, так хоть доброе имя дочери следует отстоять. Милиция копается в семейном грязном белье... Все, кому не лень, обсуждают эту ужасную драму. Главное – был бы толк! А дело-то, по-видимому, зашло в тупик.

Баркасов содрогнулся. Он был весьма щепетилен в вопросах личной жизни, не любил давать интервью и на дух не выносил журналистов.

– Бедные люди! Им приходится отвечать на кучу дурацких, бесцеремонных вопросов! Врагу не пожелаю такого.

Воображение живо нарисовало актеру допрос следователя, и он снова потянулся к бутылке.

– Хватит, – возмутилась Александрина. – Терпеть не могу, когда у мужчины стеклянные глаза! Ты скоро под стол сползешь.

– Н-ни-ког-да...

– Слушай, кто-нибудь из ваших едет на гастроли на острова? Ява, Борнео...

– В Индонезию, что ли? К сожалению, география наших поездок несколько иная, – соорил дурашливую рожицу комик. – Саратов, глушь, деревня.

– Не прибедняйся.

– В крайнем случае Крым или Сочи. Но сейчас не сезон! А что, прелестнейшая, тебе некуда надеть новое бикини?

Она наклонилась к его уху и прошептала:

– Читал стихотворение Пушкина «Анчар»? Кажется, эти деревья растут в тропиках?

– Ты опять про яд? – отшатнулся Баркасов. – Кого травить собираешься? Надеюсь, не меня? Бог с тобой, Санди! Все, молчи! Больше ни звука! Я ничего не слышал... иначе п-потом ты захочешь от меня избавиться... как от опасного сви... свидетеля...

Его ж таки *разобрало*. Речь стала отрывистой, бессвязной, глаза помутились, и он начал клевать носом. Александрина брезгливо передернула роскошными плечами, поправила прическу и подозвала официанта.

– Принесите воды! Господину Баркасову плохо...

Глава 7

Бывшая балерина держалась очень прямо, ее движения и жесты были грациозно-пластичны. Только дрожь в голосе и неестественный румянец выдавали волнение.

– Мне так неловко... это Лида посоветовала поговорить с кем-нибудь совершенно посторонним, незаинтересованным. Иногда взгляд со стороны бывает просто необходим.

– На что я должен взглянуть? – пошутил Карелин. – Не томите!

– Вы согласны нас выслушать?

– Раз я здесь...

– Можно мне начать? – вмешалась Отрогина. – Позволь, Инга, я в двух словах изложу суть дела. А молодой человек будет задавать вопросы, если сочтет нужным.

В кафе «Миранда» действительно делали отличную выпечку. Матвей заказал дамам сладости, а себе двойной кофе с коньяком.

«Приведу сюда Астру, – подумал он. – Ей понравится. Хорошо, когда женщина не сидит на диете!»

– Видите ли, Инга страшно мнительная, – приступила к рассказу Отрогина. – Она много лет прожила в браке как у бога за пазухой и...

– Моему мужу пришло странное письмо! – выпалила Теплинская. – Извини, Лида, лучше я сама. Так вот... Ему прислали корзину цветов, и там оказался конверт. Раньше ничего подобного не было. У Миши от меня нет секретов, он предложил прочитать... Содержание какое-то нелепое, но меня оно испугало.

– Дай письмо, – приказным тоном сказала Отрогина.

Инга послушно достала из сумочки конверт и протянула Матвею.

– Мне не с кем посоветоваться, – чуть не плача, призналась она. – Муж отмахивается, а хороших друзей, достойных доверия, у меня нет. Кроме Лиды. Знакомых, конечно, много... приятельниц, но не таких, с кем можно быть откровенной.

Матвей прочитал несколько печатных строчек и с недоумением поднял на нее глаза. Послание гласило: *Кто на четырех ногах не имел, на двух отверг истинное и принял ложное, а на трех будет отмищен? Не сумеешь правильно ответить, через две недели умрешь. Сфинкс.*

Ниже помещался адрес электронного ящика, куда отправить ответ за подписью *Эдип*.

– Ну, что скажете? – не выдержала Отрогина.

– Похоже на шутку.

Где-то он уже слышал про сфинкса... не от Астры ли? От нее! Она говорила, что видела в зеркале очертания сфинкса.

– Вам что-то пришло в голову?

– Нет, нет... – опомнился он. – Кто такой сфинкс? Это фамилия, прозвище, ник из Интернета?

– Понятия не имею, – выдавила Теплинская. – Муж тоже в полном неведении.

– Вы пользуетесь Интернетом?

– Не пользуется! – ответила за подругу Лидия. – Не умеет. Насчет прозвища не скажу, а вот фамилии такой – Сфинкс, – по-моему, не существует. Я ни разу не слышала. А вы?

– Не приходилось. А почему вы так встревожились, Инга?

– Потому что чудовище Сфинкс был послан в Фивы богами, чтобы держать людей в страхе, – опять перехватила инициативу Отрогина. – В институте мы изучали Софокла и его знаменитую трагедию «Эдип-царь». Там говорится о полуженщине, полульвице, которая всем, кто проходил мимо, задавала неразрешимую загадку Многие жители славного города погибли мучительной смертью, потому что Сфинкс душила в своих могучих когтистых лапах каждого,

не сумевшего дать правильный ответ. Эта загадка такова: *Кто ходит утром на четырех ногах, в полдень на двух, вечером на трех?*

– Очень похоже на текст письма, – сказала бывшая балерина. – Смысл немного иной, но в целом...

– А в трагедии Софокла чем дело закончилось? – спросил Матвей. – Признаюсь, я не читал.

– Эдип разгадал загадку чудовища. «Это человек, – ответил он. – Утром жизни – в детстве – он мал и передвигается на четвереньках; в зрелости ходит на двух ногах; в старости же становится слабым и опирается на палку». Тогда Сфинкс издала страшный крик, взмахнула крыльями и бросилась со скалы в море. Так гласит легенда. Победа над Сфинксом не принесла Эдипу счастья, но это уже другая история.

Инга с надеждой повернулась к Карелину.

– Что вы об этом думаете? Кто мог прислать моему мужу такое письмо? Явно не конкуренты по бизнесу. Какой-нибудь сумасшедший? В последние годы Миша вдруг пустился в политические игры. Я возражала, но он не хотел слушать. Ему стало скучно! Бизнес хорошо налажен, денег вдоволь, дети выросли, и он, привыкший к напряженному ритму жизни, ощутил пустоту. Отчасти это подтолкнуло его к решению заняться политикой.

– Политические оппоненты таких заумных способов не используют. В чем смысл этой загадки? Зачем такие сложности? – жестикулируя, произнесла Отрогина. – Я полагаю, кто-то хочет выбить Теплинского из колеи, подействовать на нервы. Тем более что...

Она замолчала, глазами спрашивая разрешения у подруги. Говорить или не говорить? Та согласно кивнула.

– Семья убитого недавно скрипача Никонова не общается с журналистами, никак не комментирует его смерть. Однако шила в мешке не утаишь. Особенно когда речь идет о кумирах публики. Каким-то образом просочились сведения, что Никонову приходили подобные письма.

– Такого же содержания?

– Примерно. И подписанные Сфинксом! Якобы записки посылала его жена, чтобы отвести от себя подозрения в убийстве. Она обезумела от ревности и придумала хитроумный план, чтобы и мужа убить, и обвинений избежать.

Госпожа Теплинская вздрогнула, покрылась красными пятнами.

– Теперь вы понимаете, как я испугалась, когда, услышала эти грязные сплетни. Ведь если не дай бог... – она замолчала, кусая губы. – Если вдруг... боже! Я не могу выговорить...

Отрогина пришла ей на помощь.

– Инга имеет в виду, если Михаила... убьют, подозрения могут пасть на нее.

– Не этого я боюсь! Этот Сфинкс... он не просто пугает, он... исполняет обещанное. Наверное, Никонов не верил в его угрозу, и вот он... мертв.

– Вы уверены, что музыканту приходили от Сфинкса письма с угрозами? – уточнил Матвей. – Или это только предположения?

– Наши догадки, – робко вымолвила бывшая балерина. – Но они имеют под собой почву. Муж ничего не хочет слушать, он поднял меня на смех. Что же делать, господин Карелин?

– Попробовать отгадать загадку, – усмехнулся он. – Сфинкс дает жертве шанс. Пошлите ответ по указанному адресу и спите спокойно.

– Вы не верите, что это серьезно?

– А вы можете доказать обратное?

– Значит, если Теплинского убьют, только тогда преступника начнут искать? А до тех пор никто никаких мер принимать не будет?

– Послушайте, милые дамы, – нахмурился Матвей. – Потрудитесь объяснить, чего вы от меня ждете? Я не телохранитель, не детектив, не милиционер, не психиатр. Послание я прочитал, свое мнение высказал. Разрешите откланяться?

Инга полезла в сумочку и достала конверт.

– Вам понадобятся деньги, – заявила она. – Возьмите. Здесь достаточно на первое время. Я не знаю, какие потребуются расходы, но экономить не нужно. Я не хочу стать вдовой, как Дина Никонова.

Карелину хотелось встать и уйти, однако он почему-то остался. Он не прикоснулся к конверту с деньгами, и Теплинская положила его на столик.

– Ваш муж предприниматель, политик, у него есть служба безопасности, целый штат охранников, – терпеливо убеждал он взволнованную женщину. – Почему бы вам не обратиться к ним?

– Миша категорически против. Он запретил мне даже заикаться об этом письме.

– Господин Теплинский подозревает, что письмо – провокация его противников в предвыборной борьбе, грязная технология дискредитации его как личности, – пояснила Отрогина. – Якобы конкуренты хотят обвинить Михаила Андреевича в психической неуравновешенности, неадекватности и желании засветиться в «желтых» изданиях. Если он поднимет шум, тут же набегут корреспонденты, телевизионщики, раздуют из мухи слона, заварят такую кашу, что долго придется расхлебывать. А главное, как потом оправдываться? В лучшем случае Теплинского поднимут на смех, в худшем – опорочат в глазах избирателей.

– Мне не удалось убедить мужа отнестись к посланию Сфинкса с пониманием, – потупилась Инга. – Я сама сначала приняла это за дурацкий розыгрыш.

– Наверняка так и есть.

Слова Матвея не убедили подруг.

– Мы не можем обратиться в детективное агентство, – сказала Лидия. – Они иногда перепродают информацию, а в данном случае рисковать нельзя. И вообще, чужих людей лучше не посвящать в подробности частной жизни политика. Вы согласны?

– Да, но... я-то как могу вам помочь? Кстати, насчет «чужих людей»: мы ведь едва знакомы.

– Я знаю вашего отца, – горячо возразила Отрогина. – Он умный, порядочный человек. Если он моего сына сумел вытащить из дерьма... простите, то своего уж точно воспитал как положено.

– Яблочко от яблоньки порой падает ох как далеко!

– Я разбираюсь в людях.

– Возможно, политические конкуренты просто воспользовались чьей-то идеей с целью нагнать страху и скомпрометировать вашего мужа, – сказал Матвей, глядя на Ингу.

– Вы попробуете что-нибудь выяснить? – умоляюще произнесла она. – Я ничего не требую, не ставлю никаких условий. Сделайте то, что сможете.

И тут он совершенно против воли открыл рот и произнес нечто невразумительное:

– Я не обещаю, но есть один человек, который хочет провести собственное расследование убийства Никонова...

* * *

Любой путь начинается с первого шага.

Пока Матвей в «Миранде» любезничал с дамами и лакомился кондитерскими изысками, Астра решила съездить к Олениной выразить соболезнования. Узнать адрес не составило для нее большого труда. Получив актерское образование, она заимела знакомства в театральных кругах, и после пятого звонка ей сообщили улицу и номер квартиры бывшей оперной дивы.

– Только она никого не принимает, – сказал пожилой преподаватель. – Погрузилась в свою беду, замкнулась.

– Я могу сослаться на вас?

– Можете, деточка, однако вряд ли это возымеет действие. Но... попробуйте. Обязательно позвоните предварительно.

Астра послушалась совета. На счастье, трубку взяла не сама отставная примадонна, а ее гостья.

– Вы кто? – бесцеремонно спросила она. – Если опять журналистка, то...

– Нет! Я по личному вопросу. Относительно смерти господина Никонова.

– Вы что-то знаете? – Отчаяние, надежда на чудо и болезненный, жадный интерес прозвучали в голосе женщины. – Я его мать.

– Можно мне приехать?

– Да, конечно. Дина в больнице, а Катя... уже уснула. Она принимает снотворное. Думаю, она не была бы против.

Не веря в удачу, Астра кинулась одеваться: длинный строгий темный свитер и черные брюки в обтяжку, короткая шубка, черный шарф на гладко зачесанных назад волосах. Ее вид не должен оскорбить глубокую печаль матери, потерявшей сына.

На улице шел мелкий снежок, на тротуарах дети раскатали ледяные дорожки; прохожие опасливо обходили их, боясь поскользнуться. Астра прокатилась, устыдилась своего порыва, наклонила голову и поспешно зашагала к метро.

Через час она уже звонила в дверь, за которой ее ждали две убитые горем женщины.

Мать скрипача поразила ее увядшей, но благородной красотой: не тронутая краской седина в черных волосах, изломанная линия бровей, красные от слез глаза, в которых еще не угас загадочный огонь. Она пригласила молодую женщину в полутемный кабинет с паркетным полом натертым воском, с книжными шкафами до потолка и массивным письменным столом. На столе горела зеленая лампа.

– Что вы знаете? – едва опустившись на кожаный диван, спросила Никонова.

По дороге, сидя в вагоне метро, Астра придумала обоснование своему визиту. Ей необходимо было вызвать собеседницу на откровенность.

– Видите ли... мне неловко говорить об этом, но...

– Говорите же! Ради памяти моего сына я на все пойду, чтобы наказать убийцу.

– Понимаете, Власа незадолго до гибели что-то тревожило, и он обратился ко мне с необычной просьбой. Он... хотел провести сеанс ясновидения! – выпалила Астра. – И я это сделала.

Изогнутые брови Никоновой поползли вверх.

– А зачем, простите?

– Влас взял с меня слово, что это останется между нами, и я сдержала обещание. Нельзя нарушать волю... покойного. С тех пор обстоятельства несколько изменились. Следствие топчется на месте, убийца имеет все шансы уйти от возмездия. Разве мы можем позволить ему это, госпожа Никонова?

– Меня зовут Людмила... Людмила Романовна. Боже мой! – заплакала она. – Мой сын был таким тонким, проницательным человеком, он не мог не предчувствовать надвигающейся беды! Но... он не увлекался магией, не обращался к экстрасенсам.

– Иногда жизнь заставляет менять убеждения и прибегать к нетрадиционным методам.

– Да, да... И о чем же он вас спрашивал? Вы... обладаете пророческим даром?

– Отчасти. Я не прорицательница, просто меня иногда посещают видения... вы понимаете?

Людмила Романовна, заливаясь слезами, кивнула.

– Влас сообщил мне о своих подозрениях, – продолжала Астра. – Ему казалось, кто-то замышляет против него ужасное зло. Он просил узнать кто.

– И... и вы... узнали? – Несчастливая мать прижала руки к груди, прерывисто вздохнула. – О господи, опять сердце... ноет и ноет. Не могу поверить, что... что... мой гениальный сын, мой дорогой... единственный ребенок... лежит в земле. Это выше моих сил! Знаете, я ведь не ездила на кладбище... свалилась без памяти, вызвали «Скорую», очнулась, когда все закончилось. Почему я не умерла вместо него? Моя жизнь кончена... кончена. Кто отнял у меня сына?! Умоляю вас, скажите...

– Мои видения расплывчаты. В них присутствуют образы, которые не сразу разгадаешь, – выпутывалась Астра. – Поэтому я и пришла к вам. Возможно, вдвоем мы сумеем распутать этот клубок.

– Я ничем не могу помочь, – поникла Никонова. – Меня уже спрашивали, кто мог желать смерти Власу. Кто угодно! Явных врагов он не нажил, но завистников хватало.

– А поклонницы?

– Я уже думала над этим. Следователь ухватился за версию ревности, потому что другой просто нет. Да и орудие явно женское – булавка с ядом. – Она застонала и сжала руками виски. – Иногда мне кажется, что это ночной кошмар! Наступит утро, я проснусь, и мне позвонит Влас, спросит: «Мама, как ты? Как твоя Джерри?» Знаете, когда видишь убийства по телевизору или читаешь про них в книгах, кажется, будто все происходит на другой планете и с тобой, с твоими близкими этого никогда не случится. И вот случилось... За что?! Господи-и...

Она зарыдала, потянулась к стакану с водой.

– Кто такая Джерри? – спросила Астра, не позволяя ей отдаться горю.

– Кошка... Влас как-то привез мне гладкошерстного котенка редкой породы. Я живу одна, и Джерри скрашивает мое одиночество. – Людмила Романовна подняла на «ясновидящую» измученные глаза. – Вы так и не сказали, чей образ увидели во время сеанса. Кто это был? Мужчина, женщина?

«Больше увиливать нельзя, – осознала гостья. – Если я не отвечу, она замолчит, и добрый десяток вопросов, которые я собираюсь задать, повиснут в воздухе. Надо говорить. А что? Правду... ничего, кроме правды, как бы нелепо она ни звучала!»

– Пусть это вас не удивляет... но мне показалось мифическое существо...

– Какое? – с жаром придвинулась к ней Никонова.

В ее зрачках полыхало безумие, сумасшедшая мысль о мести, о божественной воле, которая воздаст за содеянное неведомому преступнику.

– Сфинкс...

Мать скрипача отшатнулась, побледнела и задрожала.

– Сын не ошибся в вас! – прошептала она. – Сфинкс... Вы не могли этого придумать...

Глава 8

Задолго до описываемых событий

Маленькая девочка в костюме пчелы выпорхнула на середину зала и под звуки фортепиано закружилась в танце. Бархатная юбочка высоко открывала ее узкие бедра, на спине качались, подрагивая, прозрачные крылышки, а на тщательно причесанной, прилизанной головке торчали длинные усики.

Девочка-пчела старалась не выбиться из ритма. Ее ребра выступали вперед, на худойшее напряглись жилки; руки то взмывали вверх, то опускались вниз; ноги четко выделяли замысловатые па.

– Раз, два, три! – хлопал в ладоши хореограф. – Раз, два, три! Спину держи... Раз, два...

К ней подбежали другие пчелки, почти такие же... да не такие. У них и движения были тяжеловесные, неуклюжие, и крылышки не золотистые, а простые, и юбочки не бархатные, а из крахмаленной марли. Все они уступали солистке в легкости и неповторимом изяществе, в природной мягкости пластики, в пробуждающейся женственности, робкой и целомудренной, как бутон розового цветка.

Детский ансамбль «Терпсихора» проводил генеральную репетицию перед годовым отчетным концертом, на который были приглашены руководство Дома культуры, родители и все желающие.

Женщина-концертмейстер ансамбля, как это часто бывает, приводила с собой в зал сына, которого не хотела оставлять одного дома. Мальчик чинно усаживался на деревянную скамейку у стены и часами, затаив дыхание, наблюдал за упражнениями у станка, за отработкой сложных движений на середине зала, за сольными выходами и групповыми танцами.

Большие зеркала на стенах многократно отражали юных танцовщиц. От них исходили флюиды чувственности – даже в этом нежном возрасте. Особенно от солистки – тонкой, гибкой девушки с наметившимися бугорками груди, впалым животом и длинными, непомерно худыми ногами. В этом гадком утенке уже без труда угадывался прекрасный лебедь.

Сокровенная сфера человеческой эротики остается тайной за семью печатями. Что является тем импульсом, который зажигает кровь? Медики говорят о гормонах, биологи – об инстинктах, физики – о притяжении частиц, а лирики... воспевают романтическую любовь. Но она ускользает, неуловимая, как тень плывущих по небу облаков, как лунный свет и мерцание звезд, недоступная для анализа, неподвластная уму и воле...

Что есть суть любви? И что есть суть страсти, жестокой, затмевающей рассудок, иссушающей душу?

«Любви все возрасты покорны», – сказал поэт. А устами поэта говорят сами боги! Но когда говорит страсть, боги молчат.

Девочка-пчела изгибалась, сминая крылышки; ее ножки, обутые в атласные туфельки, едва касались пола, ее тело казалось лишенным костей, податливым, влажным...

Мальчик вдыхал запах ее пота, как опьяняющий аромат диковинного цветка. Этот запах, перемешанный с запахом пудры, грима и лака для волос, сводил его с ума. Все плыло у него перед глазами...

– Эй! – кто-то потрепал его по плечу. – Ты уснул, сынок? Пора домой.

Мама стояла над ним и устало улыбалась. Она взяла его за руку, и он покорно пошел за ней, плохо соображая, где находится. Неужели он вправду задремал и увидел во сне девочку-пчелу?

Стайка танцовщиц столпилась у дверей раздевалки, и он безошибочно, с одного мимолетного взгляда узнал и выделил среди них ту, которая завладела им. То был не сон! Томительная и жгучая боль разлилась по его венам и застыла, замерла в груди, во всем теле, тысячами шипов пронзая сердце и мозг.

Он дернулся, высвободил руку и, словно в трансе, подошел к «пчелкам». Вблизи их крылья оказались жесткими, юбки грубыми на ощупь, грим размазанным. Из туго скрученных волос торчали шпильки, а туфельки были в пыли. Он, как зачарованный, молча коснулся плеча «царицы пчел», покрытого золотистыми блестками...

Она отпрянула и засмеялась. Смех подхватили ее «подданные».

– Ты что, чокнутый?

Самая маленькая и вертлявая «пчелка» покрутила пальцем у виска и показала ему язык. Он задохнулся от обиды.

«Царица» величаво подняла голову и скрылась за дверями раздевалки. Свет померк...

– Иди сюда! – рассердилась мать. – Хватит на девчонок пялиться! Рано еще! Ишь ты... кавалер...

Мальчик боготворил «царицу пчел», готов был пылинки с нее сдувать, целовать следы ее натруженных ножек, носить ее сумку, просто молча идти рядом. Но она не понимала его чувств, а выразить их он был не в силах. Ночами напролет он не спал, глядел в потолок и представлял ее в наряде сказочной принцессы с золотой короной на аккуратно причесанной головке, выбегающей на залитую огнями сцену и под звуки скрипок и флейты исполняющей вечный незабываемый танец любви. А потом он подходил к ней за кулисами, опускался на одно колено и преподносил огромный букет белых роз, свежих и благоухающих. Затем...

На этом его фантазия спотыкалась, сюжет не желал развиваться, и он вставал, шел в кухню пить воду, садился на подоконник и долго, до изнеможения вглядывался в небо и звезды, спрашивая у них ответа на несуществующие вопросы.

Однажды он решился и подошел к царице своих грез, предложил пойти на каток. Она согласилась. Это был самый счастливый миг в его жизни! Он зашнуровал ей коньки, подал руку, и они покатались по белесому зеркалу льда навстречу ветру, снегу и несущейся из динамиком музыки.

«Я люблю тебя! – мысленно твердил он, заклиная ее услышать немой призыв. – Люблю тебя... люблю...»

Никогда после он уже не испытывал такого всепоглощающего восторга, такой нежности, такого трепета... и сладкой сердечной боли...

Ах, если бы он имел власть над временем, то остановил бы его! А может, в том и смысл жизни, что в ней ничего ни остановить, ни переиграть нельзя? Что река существования течет и течет, и дважды в нее не войдешь...

* * *

Черное небо дышало морозом. В носу пощипывало, изо рта шел пар. Художник задержался в мастерской дольше обычного и вышел, когда пробило полночь. Его машина на платной стоянке покрылась снегом, и он не стал садиться за руль.

Во-первых, немного выпил за работой; во-вторых, ему захотелось пройтись, охладиться, полюбоваться ночными улицами. Новостройки вызывали у него меланхолию и головную боль, и только фасады старых домов, затейливая лепнина церквушек, их подсвеченные прожекторами купола, узоры кованных оград и решеток радовали глаз. Что-то невозвратно прекрасное таили в себе эти зимние пейзажи патриархальной Москвы.

Недалеко от мастерской открылось круглосуточное кафе, и он пристрастился сидеть там, пить кофе и размышлять.

Спустившись в оборудованный под старинный погребок зал, он разделся и занял столик у огня. Очаг из валунов излучал тепло...

– Привет!

Молодой человек, завсегда с шумных вернисажей и богемных фуршетов, помахал ему рукой. Домнин не выносил фамильярности, поморщился. Какого черта? Хотел побыть один, подумать о жизни, а тут на тебе! Он знал этого парня, у которого было хобби: водиться с людьми от искусства и потом хвалиться своими знакомствами.

Художник отвернулся, сделал вид, что изучает меню. Парень жестикулировал, пытаясь привлечь его внимание.

«Чего ему надо? – неприязненно подумал Домнин. – Вот прилипала! Сейчас попросится за мой столик. Шиш ему!»

Молодой человек ненадолго успокоился: подыскивал предлог перебраться за столик местной знаменитости. Он подозвал официанта и заказал дорогой коньяк. Потягивая маленькими глотками спиртное, любовался игрой огня.

Художник думал о своем – несколько состоятельных иностранцев заказали ему портреты своих жен; он перебирал в уме образы «роковых женщин», которыми можно наделить зарубежных моделей. Вера Холодная⁴, например...

– Не могу пить один! – прогремело у его уха. – Составите компанию?

«Прилипала» с бутылкой коньяка был тут как тут, устраивался поудобнее на стуле. Домнин с раздражением окинул взглядом зал – полно свободных мест. Заведение высшего разряда, не каждому по карману здесь поужинать. Да и время позднее.

– *Шато де Монтифо!* – торжественно объявил незванный сосед. – Вкус отменный. Попробуйте.

Напиток этой марки стоил немало, видимо, парень был из тех состоятельных бездельников, которые ведут праздный образ жизни за счет богатых родителей. От такого не скоро отделаешься. Ему скучно, он ищет развлечений и в этом своем поиске подобен ледоколу, бороздящему полярные льды, – его так просто не остановить.

Скука – тяжелая болезнь обеспеченного сословия. Теперь оно появилось и в России. Домнин и сам страдал сим недугом. Его неумное воображение даже во сне изыскивало способы занять себя, реализовать свой недюжинный потенциал. Счастье, что судьба не обделила его талантом! По крайней мере, он может вволю развлекаться на холстах, при этом развлекая еще и публику, давая ей пищу для восхищения и злословия. Пусть забавляются... В конце концов, способность создавать вещи, стоящие обсуждения, всегда достойно вознаграждалась. Дело не в деньгах, а в том наслаждении *процессом*, который ничем не заменишь. И в том интересе, который мастер вызывает у окружающих.

«Ты пожинаешь плоды собственной популярности, – сказал себе художник. – Так нечего злиться на мотыльков, которых привлекает горящая свеча!»

Он выдавил некое подобие улыбки, и молодой человек просиял. Признанный мэтр снизошел до его скромной персоны и соблаговолил удостоить внимания.

«О чем он заговорит со мной? – уже не без удовольствия подумал Домнин. – О погоде? Тривиально. Об искусстве? Не посмеет. О женщинах? Пушло. О политике? Вряд ли. Остаются сплетни...»

– Почему вы не пьете? – спросил молодой человек. – Не любите коньяк? Заказать что-нибудь другое?

– А вы меня не отравите?

⁴ Вера Холодная – знаменитая российская актриса немого кино.

– Помилуйте... – растерялся тот. – Вы не Моцарт, я не Сальери... Хотя вы правы. Кто знает, что у меня на уме? После этой трагедии с Никоновым! – Он налил из бутылки себе в бокал и сделал большой глоток. – Видите? Все в порядке. Я могу задать вам вопрос?

– Валяйте...

– Как рождается замысел ваших картин?

«Сейчас я тебе покажу! – внутренне возликовал Домнин. – Оторвусь на всю катушку!»

– Истинное творчество всегда пытается проникнуть в тайну... мироздания, – состроил он многозначительную мину. – А ее, как известно, можно постичь только... через обнаженную натуру. Срывание покровов! Развенчивание идеалов! Свержение кумиров с их вековых пьедесталов! Прочь маски! Прочь стыдливость... Последняя девка с базарной площади, отдающаяся из милосердия нищим, прекрасна в своей бескорыстной щедрости, как сама природа...

Его будто прорвало. Собеседник не успевал переваривать и запоминать «перлы», которые он потом сможет цитировать слушателям на великосветской тусовке.

Словесный рог изобилия иссяк столь же внезапно, как и открылся. Художник замолчал, выпил коньяк и попрощался.

– Мне пора. Люблю работать по ночам. Зимняя стужа... луна за облаками... синий снег... Я еще не написал Снежную королеву, возлежащую на ледяном ложе в ожидании любовника...

Художник встал и удалился, а парень остался сидеть с открытым ртом, глядя ему вслед. Что это было? Насмешка? Сарказм? Гениальное откровение?

На самом деле Домнин все придумал. Он исключительно редко писал по ночам, только когда захлестывало вдохновение или торопился закончить картину. Но в этот раз ноги понесли его к мастерской... Какое-то странное волнение гнало его вперед.

Мастерская не была оборудована сигнализацией, бронированной дверью и даже сложными замками. Зачем? Никаких ценностей, кроме всевозможного хлама, бутафорской атрибутики, подрамников, мольбертов, красок, кистей и недописанных полотен он там не держал. То была святая святых, его творческая кухня, его молезна, где он взывал к музам, испрашивая у них благословения и напутствия... Сокровищница духовных накоплений, которые он никогда не смешивал с материальными.

Художник полез в карман за ключами, но они не понадобились – дверь оказалась открытой. В глубине помещения смутно мелькал свет: кто-то пользовался фонариком. Неужто грабители?

Игорь Домнин обладал редким даже для мужчины свойством характера – он никогда и ничего не боялся. Такова была особенность его психического склада.

Руководствуясь любопытством, он решил не поднимать шума, а застать ночного посетителя врасплох. О том, что неизвестный может напасть на него, ударить или убить, художник и не подумал.

– Кто ты и что ищешь в моей мастерской? – прошептал он, бесшумно проскальзывая в темный коридор.

Из коридора две двери вели в кладовую и просторную комнату, куда приходили натурщицы и где, собственно, и творились шедевры живописи. Именно там Домнин заметил мелькающий луч фонаря.

Чтобы одежда не стесняла движений, хозяин сбросил дубленку на топчан – здесь за много лет он изучил каждую пядь, каждый уголок, каждый предмет и мог с завязанными глазами найти любой крючок, выключатель, стул – что угодно. Грабитель ориентировался куда хуже. Ему понадобилось освещение, которое выдало его с головой.

Темная фигура шарилась в шкафу, держа фонарь под мышкой. Художник осторожно снял с перекладины длинную тяжелую драпировку – множество таких кусков ткани он использовал для создания фона, – сделал два крадущихся шага и застыл. Ночной гость почувствовал неладное, прекратил поиски, медленно повернулся, направил свет в сторону, откуда раздался

шорох, и... ничего не увидел, кроме висящих рядами пыльных бархатных портьер, гобеленов, тонких шерстяных персидских ковров и ворохов шелка.

Домнин успел нырнуть между перекладин и затаить дыхание. Жаль, ему не удалось рассмотреть лица грабителя. Пыль попала в нос, захотелось чихнуть... Уткнувшись в край гобелена, он беззвучно дернулся, еще раз. Подумал: «Надо бы навести здесь порядок, выбить ковры, пройти пылесосом. Небошь паутины полно!»

Неведомый посетитель тем временем вновь принялся за поиски. Он, очевидно, был уверен, что ночью в мастерской появиться некому, и списал подозрительный шум на мышиную возню. Художник минуту выждал, выглянул из своего убежища, собрался с духом и стремительно бросился вперед, уже не заботясь о тишине... набросил драпировку на голову грабителя, навалился всем телом, подмял его под себя и с грохотом повалил на пол, увлекая следом декорацию из папье-маше и гипсовую колонну, имитирующую античные развалины...

Глава 9

– Где ты вчера пропадала? – спросил Матвей. – Я тебя так и не дождался, уснул.

– Беседовала с матерью Никонова, – невозмутимо ответила Астри, разогревая котлеты на завтрак. – Очень милая женщина. В прошлом была удивительная красавица, да и теперь еще глаз не оторвешь. Обещала всячески содействовать мне в поисках убийцы ее сына.

– Что ты ей наплела?

– Назвалась ясновидящей, которую посетил скрипач незадолго до смерти. Она поверила. Я убедила ее, что он предчувствовал беду и хотел узнать, кто его враг. Выполнить последнюю волю убитого для меня – долг, дело чести.

– Тебе не стыдно?

– Ничуть! Кажется, я наконец буду делать то, что мне нравится. Может быть, когда-то я уже занималась сыском, раз меня тянет к этому?

– В прошлой жизни, что ли?

– Почему нет?

Матвей пожал плечами. Он редко пускался в рассуждения – они могли далеко завести. В дебри! Вместо неизвестных данных ум имеет привычку подставлять свои собственные выводы, которые искажают картину до неузнаваемости. Доверься ему, и заблудишься в трех соснах.

– Как прошло свидание? – невзначай спросила Астри.

– Потрясающе.

Она ждала продолжения, но Матвей молча взял котлету, положил на хлеб и откусил. Откровенная нелепость происходящего забавляла его.

– Твое немногословие граничит с хамством!

– Я делаю выбор, – вздохнул он. – Жить спокойно или...

– Или! Или! Неужели не скучно, Карелин?

– Ладно. Тебе повезло! В городе начался массовый психоз в связи со смертью Никонова. Со мной вчера разговаривали две страшно обеспокоенные дамы. Мужу одной из них пришло послание от... Сфинкса. Они твердят, будто скрипач получал письма с угрозами, подписанные таким же образом. Ты как в воду глядела! – Он имел в виду *зеркало*. – Может, у тебя действительно прорезывается третий глаз? Если так, откроешь не детективное агентство, а салон магии «Московская сивилла».

Астри не верила своим ушам. Ее даже не задел сарказм в словах Карелина.

– Ты ничего не путаешь? – на всякий случай спросила она.

В ответ он подробно изложил вчерашний разговор в «Миранде» и заключил:

– Все это – цепная реакция на громкое убийство. Помнишь фильмы про Фантомаса? Когда они вышли на массовый экран, повсюду появлялись надписи: ФАНТОМАС. В лифтах, на стенах домов, на скамейках в парке, на школьных партах. Шутников во все времена хватало.

Астри не разделяла его оптимизма.

– Никонов не придавал значения письмам и погиб. По-моему, следует отнестись к угрозам со всей серьезностью.

– Послушай, если человек задумал кого-то убить, он не станет загадывать никаких загадок, тем самым настораживая потенциальную жертву. Какой в этом смысл?

– Вероятно, смысл есть, просто мы его не видим, – возразила она.

– После того – еще не значит *вследствие* того. Музыкант мог получать послания от какого-то чокнутого поклонника или поклонницы, а умереть от руки другого человека.

– Значит, когда Теплинского убьют, связь между загадками Сфинкса и смертью тех, кто не удосужился их отгадать, будет доказана? Не слишком ли дорогая цена?

– Какую загадку должен был отгадать скрипач?

– К сожалению, никто из его близких не знает, – покачала головой Астри. – Он не показывал писем ни жене, ни теще, ни матери, ни своему администратору. Вероятно, не хотел волновать беременную женщину или просто выбрасывал записки, не читая. Мне кажется, он был полностью поглощен предстоящими концертами в Москве и скорыми гастролями в Америке, поэтому мог не обратить должного внимания на письма от Сфинкса.

– Как же об этих письмах вообще стало известно?

– Жена Никонова, Дина, обнаружила очередное послание, вложенное в корзину с лилиями. Она ревновала мужа к его поклонницам и читала записки, которые находила в букетах. Наткнулась на *то* письмо, расстроилась, показала матери. Они решили, что среди почитателей таланта маэстро появился маньяк, пришли в ужас и, едва дождавшись Власа, потребовали отказаться от выступлений и заявить в милицию. Тот, к сожалению, их не послушался. Он был одержим музыкой, сценой, скрипкой, а тут из-за ерунды его вынуждают все бросить, и главное, на неопределенный срок. Потом, когда Дина уже легла спать, Никонов признался теще, что беременность до неузнаваемости изменила ее дочь: она стала истеричной, нервной, и не исключено, что записки с угрозами – дело ее рук. Дескать, таким способом она хочет удержать мужа дома, отлучить его от концертной деятельности, ссылаясь на мнимую угрозу.

– Я правильно понял, Никонов считал автором писем собственную жену? – удивился Матвей.

– Он предполагал это. А поскольку любил Дину и щадил ее самолюбие, высказал свои подозрения только Олениной. Он словно вылил на нее ушат ледяной воды! И сразу отбил охоту давать делу ход. Про письмо жена и теща вспомнили, когда Влас погиб. Они кинулись искать злосчастное послание, но, увы, тщетно. То ли сами в суматохе выбросили, то ли Никонов уничтожил. Содержание удалось восстановить приблизительно. Что-то типа: «*Осталась неделя. Не разгадаешь мою загадку – умрешь. Сфинкс*». Вот такая история.

– А саму загадку они не вспомнили?

– Они ее в глаза не видели. Если кто и прочитал, то сам Влас, а он уже ничего рассказать не мог. Откуда взялась корзина с цветами, где Дина обнаружила тот конверт, женщины не помнят. То ли посыльный принес в числе прочих, то ли сокурсники по консерватории передали. Потом, когда истек указанный в письме недельный срок и ничего не случилось, все успокоилось, думать забыли о плохом. А оно тут как тут! Следователю, который ведет дело об убийстве, про письма рассказали музыканты оркестра. Кто-то из них случайно услышал, как Никонов разговаривал с женой... на повышенных тонах... и та твердила про какие-то угрозы. Молва, падкая на пикантные подробности, подхватила слух и понесла в народ...

– ...а народ не замедлил воспользоваться *ноу-хау* уже в отношении другого человека, то бишь господина Теплинского! – эффектно завершил ее мысль Карелин. – И достиг желаемого результата. Кто-кто, а супруга начинающего политика потеряла от страха покой и сон. Сам Михаил Андреевич не поддавался панике, но именно это и не нравится очаровательной Инге. Она надеется на твою помощь.

– Никонов тоже *не поддавался панике*, – мрачно заметила Астри. – И где он теперь? На кладбище. Похороны были пышные, но это слабое утешение.

– Думаю, вы с госпожой Теплинской найдете общий язык, – кивнул Матвей. – Она тебя нанимает для расследования будущего убийства своего супруга. Вот деньги!

У Астры пропал дар речи при виде кругленькой суммы, выделенной на «оперативные мероприятия». Женщина не поскупилась, значит, и впрямь напугана.

– Ты меня дуришь? – с сомнением покосилась она на пачку купюр.

– Ничуть. Инга решила, что следующей после Никонова жертвой Сфинкса будет ее муж. Если не отгадает загадку и не отправит ответ по указанному электронному адресу. Большею чуши я в жизни не слышал! – не удержался от реплики Матвей. – Однако у политика есть шанс,

которым пренебрег знаменитый скрипач, – ему предстоит стать новым Эдипом. При твоём содействии, дорогая!

– Ты предупредил клиентку, что у меня нет опыта?

– Намекнул. Но дамы не сочли сие обстоятельство недостатком. Да и клиенткой госпожу Теплинскую можно назвать условно. Муж строго-настрого запретил ей совать нос в его дела, а женщина не в силах сидеть сложа руки. Так что она платит деньги не за твою работу, а за свое успокоение. Приняла, мол, меры, сделала все, что смогла... Ну, ты понимаешь. Чисто психологический трюк наподобие самогипноза.

Астра, как замороженная, не сводила с него горящего взгляда.

– Ты берешься? – усмехнулся он.

– Уже взялась! Дай мне ее координаты.

– Пожалуйста, вот сотовый телефон, на домашний звонить нельзя. Встречаться в случае надобности будете каждый раз в разных местах – скверы, маленькие кафе, отдаленные уголки парка. Инга обходится без охраны, это облегчит задачу. Вам ведь придется скрывать свои отношения от зоркого глаза Теплинского и его службы безопасности.

Преисполненная чувством признательности к незнакомой женщине Инге и благодарностью за оказанное доверие, Астра молчала. Две чашки чая она осушила, не замечая вкуса. *Зеркало* не обмануло! Сфинкс, проступивший в его туманной глубине, – не игра ее воображения и не порождение усталости зрительных нервов. «А вдруг это мой собственный дар видеть будущее? – подумала она, ощущая жар во всем теле. – *Алуна* показывает мне отражение моих же мысленных образов?»

От возбуждения Астра сжевала вторую котлету и потянулась за третьей.

– Что ты думаешь о загадке? – поинтересовался Карелин. – Допустим, Сфинкс реально существует. Он предлагает всем одну и ту же головоломку или разные?

– В древнегреческой мифологии – одну и ту же. А в жизни... не знаю. Как она звучит, кстати?

– *Кто на четырех ногах не имел, на двух отверг истинное и принял ложное, а на трех будет отмищен?* – напомнил Матвей. – Ты должна быть знакома с трагедией Софокла «Эдип-царь», наверное, это азы драматургии.

– При чем тут Софокл? Хотя да... там Эдипу удалось разгадать загадку Сфинкса и спасти Фивы от чудовища, за что благодарные горожане провозгласили его царем. Выходит, загадка еще не означает верную смерть.

– Насколько я понял, Никонов вообще не думал над ответом. Теплинский тоже не собирается этого делать. Я бы на их месте вел себя аналогично.

– Зря... – задумчиво произнесла Астра. – Именно загадка несет в себе скрытый смысл, она и есть то *необычное*, которое является ключом. Давай попробуем найти ответ.

– Нет уж, уволь! – он в сердцах отодвинул чашку, расплескав чай. – Я свою миссию выполнил, хоть меня никто и не просил. Клиентку тебе нашел, деньги принес осталась сушая мелочь: найти убийцу скрипача и восстановить спокойствие в семье Теплинских. Вот и действуй! Мисс Марпл, между прочим, обходилась своими силами, несмотря на преклонный возраст.

Астре было нечего возразить.

Карелин ушел в свое бюро, а она вымыла посуду, навела на столе порядок и уселась размышлять над письмом Сфинкса. В принципе, само построение фразы неизвестный автор взял из мифа. Эдип догадался, что речь идет о человеке в детстве, зрелости и старости. У нас есть кто-то, кто в детстве *не имел*, в зрелости *отверг истинное и принял ложное*, а в старости *будет отмищен*...

– Абракадабра, – прошептала Астра. – Чего можно *не иметь* в детстве? Да чего угодно! Своего дома, родителей, бабушки и дедушки... игрушек, велосипеда... Черт, так я ничего не добыюсь.

«Этот Сфинкс составлял загадку не как бог на душу положит, – подумала она. – Он взял за основу мифический текст, но изменил содержание. Ясно одно: как в древних Фивах, так и в современной Москве чудовище намекает на *человека*. В данном случае конкретного человека, который в детстве *не имел*, в зрелости не сумел отличить *истинное* от *ложного*, а в старости *будет отмищен*. Кто же это?»

– Бессмыслица... – пробормотала она. – Таких людей тысячи, миллионы. Но Сфинкс должен быть уверен, что задачу можно решить. То есть Теплинский этого *человека* наверняка знает. Разумеется, если письма не порождены безнадежно больным умом и не служат ширмой для отвлечения внимания. Любимый прием факиров, которые заставляют зрителей смотреть не туда, где происходит самое главное.

Интуиция подсказывала Астре, что это не так. Приговоренному к смерти предоставляется не обманка, а подлинный шанс выиграть поединок с неведомым существом...

* * *

Несколько минут возни на полу среди обломков гипса и разбросанных тюбиков с красками решили исход поединка в пользу хозяина мастерской. Дома, как известно, и стены помогают. Грабитель, запутавшись в пыльной драпировке, затих, перестал сопротивляться. Он тяжело, натужно дышал, но не просил о пощаде.

Домнин оглянулся в поисках фонаря, во время борьбы ночной гость выронил его, и тот потух. Окна, закрытые жалюзи, не пропускали света.

– Пусти... – простонал злоумышленник, шевельнувшись. – Кто ты? Вор?

Художник расхохотался. Вот так встреча!

– Я хорошо воспитан, – сказал он, поднимаясь. – И не хожу в гости без приглашения. Тем более не посягаю на чужое. Вставай! И объясни, что ты здесь делаешь!

Грабитель не сразу выбрался из-под тяжелой занавеси, чихая и отплевываясь.

– Ну и пылищу ты развел...

– Убирать некому. Чем обязан столь позднему визиту очаровательной вакханки? Хочешь позировать мне в обнаженном виде для «Купания Мессалины⁵»? Я как раз вынашиваю новый замысел... Это будет бомба! Эротический апофеоз! Твое тело подойдет как нельзя лучше.

– Заткнись! – прошипела женщина в черном спортивном костюме.

Шапочка свалилась с ее головы, и волосы рассыпались по плечам: ставшие притчей во языцех рыжие кудри, вернее, медно-золотистые с красным отливом. Цвет тициан.

В темноте этого нельзя было увидеть, но художник пользуется внутренним зрением.

– Тебе мало «Трапезы блудницы»? – усмехался Домнин. – Узнаю неумемный аппетит дражайшей мачехи. Ты во всем такая ненасытная, как в жажде попасть на мои полотна? Можешь не отвечать. Во всем!

– Негодяй!

– Будешь грубиянить, вызову милицию. Ты незаконно проникла на мою территорию, взломала замок... нанесла материальный ущерб. Посмотри, какой погром ты учинила! Я еще не знаю, чем ты успела набить карманы, *мамочка*. Следовало бы тебя обыскать!

Он щелкнул выключателем, и желтая лампа под потолком залила место «побоища» тускловатым светом.

⁵ Мессалина – в Древнем Риме третья жена императора Клавдия (I в. н. э.), известная своим властолюбием, коварством и распутством.

– Сволочь... – в бессильной ярости заплакала Александрина. – Гадина! Как я ненавижу тебя! Замок цел, а свои пошлые декорации ты сам поломал, когда набросился на меня.

– Надо было предупредить о посещении. Я и подумать не мог, что ты занимаешься грабежом! Решил, что в мастерской орудует вор. Ты еще легко отделалась, у меня тяжелая рука, я мог испортить твою неземную красоту. Где ты взяла ключи?

Домнин вспомнил, что года два назад потерял ключи от мастерской, но замков менять не стал: если кто и взлезет, то поживиться будет нечем.

– Ты их сам забыл... у отца.

– А ты припрятала до лучших времен, – догадался художник. – Надеялась обобрать еще и меня. Папашу обципала, как рождественского гуся, теперь за меня взялась?

– Мерзавец, скотина! – затопала ногами она. – Не смей меня оскорблять!

– Да у меня и слов-то таких нет, – притворно смутился Домнин. – Тебе ведь какой эпитет ни подбери, все меркнет в сравнении с оригиналом. Что ты здесь искала? Деньги я держу в банке, драгоценностей не ношу. Краски хотела стырить или набор кистей?

– Как ты вульгарен, Игорь.

– А ты у нас маркиза де Помпадур! Дама из высшего общества! Зачем ты забралась в мою мастерскую, признавайся? Или будешь объясняться с милицией.

– Не тешь себя иллюзиями, – осмелела мачеха. – Никто не придет. Взлома нет, ничего не похищено. Здесь и в самом деле брать нечего.

– Что же привело тебя сюда?

Еще не закончив фразы, художник уже понял, какая оказия приключилась с меркантильной до мозга костей вдовой отца. Сюжет, достойный водевиля, но уж никак не драмы.

– Ты надеялась найти в ящике с красками... с кра... – скорчившись от приступа хохота, пытался выговорить Домнин. – Ха-ха-ха! В ящике... с красками... завещание? Ах-ха-ха! Ха-ха... Ты искала завещание? Боже... какая ты дура! Ха-ха-ха! Ты еще глупее, чем я полагал...

Не так давно, на поминальном обеде по поводу годовщины смерти Домнина-старшего, Игорь вскользь обмолвился, что составил завещание и прячет его в укромном уголке мастерской, среди хлама. Он сделал это нарочно, заметив, как наострила уши Александрина. Завещание было ее *пунктиком*. У нее на лбу проступал расчет завладеть имуществом холостого бездетного пасынка в случае...

Игорь обладал крепким здоровьем, машину водил аккуратно, пил мало, но *случай*, как нередко бывает, можно подготовить и осуществить. Он почти физически ощутил тогда, какой вихрь мыслей закрутился в ее златокудрой головке. Его так и подмывало пошутить. Александрина повелась... клюнула на примитивного червячка.

– Шутка удалась! – воскликнул он, глядя на взбешенную мачеху. – Как ты хороша в гневе, *мамуля*!

– Не называй меня так! – взвизгнула она.

– Прежде чем отправить меня на тот свет, ты решила проверить, правду ли я говорил про завещание? – вкрадчиво произнес Домнин, приближаясь. – Риск должен быть оправданным, не так ли? Ты попалась! Я очарован твоим слабоумием. Когда пахнет деньгами, у тебя напрочь отшибает соображение! Ну, кто же станет держать важные бумаги где попало? Разве что твой безмозглый Мурзик.

– Он не Мурзик, а Мурат, – попяtilась Александрина. – Не подходи...

– Что ты любишь больше, секс или деньги? Развратная дрянь! Я жалею, что не согласился на вскрытие тела отца... Мне ведь предлагали. Теперь я не уверен, что причина его смерти – сердечная недостаточность. Уж не ты ли помогла старику отправиться на тот свет?

– Не я! Клянусь, он умер своей смертью. Из-за чего мне было его убивать?

– С тех пор ты не бедствуешь, хотя отец не нажил капитала, который ты могла бы транжирить после его кончины. Откуда у тебя деньги? Где ты берешь средства на тряпки и модные побрякушки? Еще и Мурзика содержишь. Он так неотразим в постели, что ты готова его кормить?

– Он сам себя кормит.

– На зарплату натурщика? Не смейся! Кто проплатил твою осеннюю поездку в Париж? Кстати, Никонов тоже там был... играл на фестивале. Говорят, ты исходила слюной, глядя на скрипача, даже набралась наглости кокетничать с ним на фуршете. Ты слишком заметна, чтобы это осталось тайной для московских сплетниц. Тебя еще не вызывали на допрос?

– Какой допрос? Что ты несешь? – испугалась вдова.

– Может, это ты его, а? Он отверг твои прелести. Такое не прощают.

– Ни один мужчина еще не сказал мне «нет», – с придыханием вымолвила Александрина. – Никонов не исключение.

– У вас с ним что-то было?

– Не твое дело!

– Ты, как всегда, права, – жестко рассмеялся художник. – Пора братья за кисть. Каждый должен выполнять свое предназначение.

– Эй, ты в своем уме? Не приближайся!

Она не могла убежать. Во-первых, хозяин мастерской наверняка запер за собой входную дверь; во-вторых, он стоял, загораживая собой путь в коридор; в-третьих, у него в руках был крученный шнур с золотой нитью, которым подвязывают занавеси.

– Ты... хочешь меня задушить? – пискнула мачеха, покрываясь холодным потом.

– Никто не знает, куда ты отправилась...

– Мурат знает! Я предупредила его! А-а! А-а-а...

– Лжешь, – спокойно сказал Домнин, делая шаг вперед. – Мы здесь одни. На улице ночь... До утра полно времени, чтобы спрятать труп в ближайший подвал, сбросить в канализационный люк или вывезти за город. Моя машина недалеко, на стоянке, подгоню и...

– Ты сядешь в тюрьму! – завопила Александрина. От страха голос сел, и вместо крика из горла вырвалось слабое сипение. – Тебя поймают!

– Видишь, ты даже кричать не можешь. Покорись судьбе...

С этими словами он связал ей руки и начал срывать одежду. Куртку, свитер, брюки...

– Все это я сожгу, – приговаривал он. – Тело не смогут опознать.

Язык и губы женщины свела судорога. Впрочем, толстые стены мастерской поглощали все звуки. Александрина знала – звать на помощь бесполезно. Она не носила бюстгалтеров, и когда обрывки майки полетели на пол, ее грудь, плечи и живот в желтом свете лампы показались золотистыми...

– Я пролью на тебя золотой дождь! – восхищенно восклицал художник. – Как Зевс на Данаю...

Глава 10

«Что предпринял бы на моем месте настоящий сыщик? – спрашивала себя Астра. – Пошел бы в концертный зал, поговорил с персоналом, с музыкантами оркестра, с друзьями и бывшими соучениками Никонова; навестил бы его вдову в больнице, побеседовал с Олениной. Потом взялся бы за окружение Теплинского – друзья, сотрудники, политические конкуренты... нельзя исключить и конкурентов по бизнесу... Уйма людей! На это уйдет по меньшей мере месяц, а из потока информации еще надо выделить полезные сведения. Сфинкс же дал на размышления всего две недели».

– Три дня уже прошли, – пробормотала она.

Традиционный путь неприемлем. Как же быть? Первым делом самой встретиться с Ингой Теплинской и подробно расспросить ее о... о чем? Но ведь должна существовать причина, по которой некто, называющий себя Сфинксом, решился на убийство. Она кроется в каких-то жизненных обстоятельствах, общих для скрипача и политика.

Убийца, жертва и преступление формируются в процессе жизни, так или иначе объединяющем разных людей. Даже маньяки не появляются на пустом месте; этому обязательно предшествуют некие события, обуславливающие развитие трагического сценария. Мотивы стары, как мир, но в каждом отдельном случае корни зла гнездятся внутри человека, в его собственной вселенной, где неразрывно сплелись сознание и подсознание. Темная сторона личности, как обратная сторона Луны... пребывает в тени, но существует и порождает монстров.

Астра позвонила госпоже Теплинской, и та с готовностью согласилась прийти на Новодевичью набережную, прогуляться вокруг монастыря – ей тоже нравится зимний вид на замерзший пруд, на красно-белые венцы башен и надвратную церковь.

Бывшая балерина оказалась миловидной женщиной с горделивой осанкой и правильными чертами лица, с большими печальными глазами, одетой в норковое манто и небрежно повязанный теплый шарф с кистями.

– Вы найдете автора письма? – с сомнением спросила она Астру. – Мой муж не хочет и слышать о расследовании. Он не должен ничего заподозрить. Обо всем, что вас интересует, спрашивайте только у меня.

– Хорошо.

– Вы... экстрасенс? Ваш друг намекнул на вашу способность видеть больше, чем обычные люди.

– Я использую свои собственные методы, – скромно потупилась Астра.

– Могу я спросить какие? – робко улыбнулась Инга. – Мне необходимо кому-то довериться... полностью. При этом я очень боюсь навредить политической карьере Михаила Андреевича. Он такой щепетильный в вопросах частной жизни. Если хоть что-то просочится в прессу...

– Не просочится, – уверила ее Астра. – Я постараюсь максимально ограничить круг людей, которые будут посвящены в наше дело. У вашего супруга есть охрана?

Она не ответила на вопрос о *методах*, а Инга, истинная интеллигентка, не настаивала. Богатство, кажется, не испортило ее, а лишь придало шарма.

– Конечно, целая служба безопасности.

– Значит, вам не о чем беспокоиться.

– Это невозможно! – Теплинская прижала руки, обтянутые дорогими перчатками, к пылающим щекам. Было морозно, но она распахнула манто, покраснелась. – С тех пор как Миша принес в дом мой портрет, я ни одной ночи не спала без снотворного. А потом еще это письмо...

– Какой портрет?

– Он заказал художнику Игорю Домнину мой портрет... в подарок на день рождения... И она поведала Астре историю с картиной. Та внимательно выслушала. Нет ли связи между портретом и письмом Сфинкса?

– Ваш муж хорошо знает Домнина?

– Слышал о нем... так же, как и я. Миша предложил на выбор Заруцкого и Домнина, я была в затруднении. Поэтому он сам принял решение. Я отказалась позировать, и муж передал художнику несколько моих снимков и кассету с домашним видео. Мы не предполагали, какой образ ему взбредет в голову! Почему именно Юдифь или Саломея? Эта отвратительная мертвая *голова* у меня в руках... прямо на переднем плане... и знаете, она имеет черты Мишиного лица...

– Кто-нибудь заметил сходство, кроме вас?

Инга помолчала, остановилась напротив монастырских ворот, глядя, как входят и выходят люди, крестятся на пятиглавую церковь.

– Все хочу пойти помолиться, – призналась она. – Свечку поставить за здравие... да не пускает что-то. Наверное, грехи. О чем вы спросили?

– О сходстве.

– Думаете, я умом тронулась? Весь ужас заключается в том, что... я сама прихожу к этому выводу. Подруга моя Лида восхищается портретом, и другие в восторге. Одну меня жуть берет. Домнину почему такие деньги платят за работу? На его живопись есть спрос. Заказы валом валят! Никто не усматривает ничего зловещего в его картинах, напротив, дифирамбы поют: новый Климт объявился в городе Москве.

– И все-таки, Инга...

Теплинская повернулась к собеседнице, оттянула ворот свитера, тяжело дыша, вымолвила:

– Никто не узнал в мертвой *голове* лицо моего супруга. Получается... сходство это существует в моем воображении, а не на картине... Вам не душно?

Астра, в отличие от госпожи Теплинской, замерзла – кожаные перчатки не грели, сапоги на меху не спасали от холода. Она мечтала о чашке горячего чая и сказала об этом.

– Пойдемте, я тоже не против выпить, – сразу согласилась Инга. – Только чего-нибудь покрепче.

Они выбрали кофейню, где подавали разные сорта кофе, шоколад и какао. Теплинская заказала мороженое и коньяк, Астра – большую чашку какао и пражский торт.

– Скажите, Инга, что вам приходит в голову при слове «сфинкс»? Может, какое-то название... или фамилия... торговая марка, например... кличка животного?

– Вот так с ходу... Египет, статуя Большого Сфинкса в Гизе. Все ее знают.

– Главная туристическая достопримечательность?

– Да. Лида Отрогина – театральная критик, поэтому у нее возникла ассоциация с Софоклом, Фивами, Эдипом – в общем, греческие мотивы. Но цивилизация Эллады моложе египетской. Вероятно, Сфинкс все-таки родом с берегов Нила. Он ужасно древний! Мы с мужем два раза ездили отдыхать в Египет, любовались пирамидами, памятниками Луксора, бродили по каирским музеям. Кстати, в Луксоре есть целая аллея сфинксов. Постойте-ка... прежнее название Луксора... Фивы? Ну да... точно, Фивы. Господи, вы усматриваете в этом какую-то связь? Это не те Фивы!

– Пока мы просто рассуждаем, – успокоила ее Астра. – Любая мелочь может навести нас на правильную мысль. *Любая*. Вы понимаете?

– Конечно... простите, я вся на нервах.

– Вернемся к Большому Сфинксу.

– Мне больше нечего сказать, – вздохнула Инга. – Общеизвестные факты: эта статуя, по словам экскурсовода, одна из самых древних на планете. Раньше думали, что ей несколько

тысяч лет, а новые исследователи обнаружили чуть ли не следы потопа на пьедестале. Тогда Сфинксу никак не меньше десяти тысяч лет. Только какое отношение статуя имеет к письмам? В Египет ездят многие... – Она подняла на Астру умело подкрашенные глаза. – Неужели Никонов тоже ездил в Египет?

– Почему бы и нет? вспомните, Инга, не произошло ли во время вашего отдыха что-нибудь странное?

Теплинская задумалась, комкая в руках салфетку. Выглядела она молодо, только складки в уголках губ и слегка увядшая кожа выдавали ее возраст.

– Нет... ничего такого...

– Может, ваш муж с кем-то встречался... повздорил... или у вас что-то потерялось, пропало? Были какие-нибудь звонки? Не торопитесь. Время стирает детали.

– К сожалению, не припоминаю. Оба раза мы с Мишей хорошо отдохнули, купались в море, катались по Нилу, наблюдали закат в пустыне... накупили сувениров, подарков. Правда, египетскими древностями увлекаюсь я, муж к этому равнодушен. Но он везде терпеливо меня сопровождал.

– Я вынуждена задавать вам неприятные вопросы, – сказала Астра. – Вы не обидитесь?

– Какие обиды? Раз надо... вы со мной не церемоньтесь, я ведь не кисейная барышня.

– Ладно. У вашего мужа есть любовница? Я имею в виду... он вам изменяет?

Мороженое Инги почти растаяло, она зачерпнула ложечкой сливочно-фруктовую жижу и пригубила.

– Хочется верить, что нет, но отрицать не буду. Просто не знаю.

– А вы ему изменяете?

На сей раз она ответила сразу, без колебаний:

– Нет. Его первая жена считала меня распушенной девицей, как всех балетных... да и сейчас придерживается своего мнения. Однако она ошибается. Я верна мужу не из чувства долга, а по любви.

– У вас до замужества были другие мужчины?

– Думаете, кто-то из моих прежних ухажеров взялся мстить? – криво улыбнулась Инга. – Нереально. Во-первых, почему только теперь? Во-вторых, у меня не было бурных романов... так, мелкий флирт, поклонники таланта. Один парень подждал меня после спектаклей, дарил букеты – любая девушка расскажет вам то же самое. У меня весьма скромная любовная биография.

– Вы не подозреваете первую жену Михаила Андреевича?

– Веру? Боже упаси! Она бы действовала проще. И потом... столько лет прошло, дети выросли... и тут послать письмо с угрозами? Вы забываете про загадку. Вере это не пришло бы в голову.

– Кстати, о загадке. Пробовали отгадать ее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.